

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

XXII Международный форум
студентов, аспирантов и молодых ученых

Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры

Красноярск, 21 мая 2021 г.

КРАСНОЯРСК
2021

ББК 81
М 341

Редакционная коллегия:
С.П. Васильева (отв. за выпуск)
А.Д. Васильев

М 341 **Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры.** Красноярск, 21 мая 2021 г. / ред. кол. А.П. Васильев, С.П. Васильева (отв. за вып.); Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2021. – 144 с.

ISBN 978-5-00102-480-4

ББК 81

Сборник опубликован на средства проекта Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 20-412-242001/20 «Изучение ценностной картины мира профессиональной группы “педагог” Красноярского края».

ISBN 978-5-00102-480-4
(XXII Международный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА»)

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	6
<i>В.Ю. Ахмятзянова</i> ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТРЕХ ХРИСТИАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ В КИНОНОВЕЛЛЕ МАРА БАЙДЖИЕВА «ЛИВЕНЬ»	6
<i>П.А. Вершинина</i> ТОПОНИМИЯ ГОРОДА НЕРЮНГРИ	10
<i>И.А. Захарова</i> ГОРОД В ЯЗЫКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ.....	14
<i>Сунь Юньхуа</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА КРАСНОГО ЦВЕТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	20
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	23
<i>К.В. Берсенёва</i> РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЧАТОВ WhatsApp.....	23
<i>Д.Г. Васильцов, А.В. Грачев, Ю.А. Кардава, Т.А. Митрошенко</i> ТЕРМИНЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В ЦЕННОСТНОМ АСПЕКТЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СУБЪЕКТИВНОГО ШКАЛИРОВАНИЯ.....	27
<i>С.Н. Грачева</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ФАИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ РАНЕВСКОЙ	34
<i>В.С. Горич</i> ЦЕПОЧЕЧНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ НА СОСТАВ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ.....	37
<i>А.А. Курделяс, В.В. Ингул</i> ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ «ПЕДАГОГ» г. КРАСНОЯРСКА	41
<i>А.В. Немкова</i> МОТИВ ВЫБОРА ИМЕНИ СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА 1999–2000 гг. РОЖДЕНИЯ.....	46

Е.В. Устьянцева

ЦЕННОСТНАЯ КАРТИНА МИРА ПЕДАГОГОВ
МАЛОГО ГОРОДА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ49

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....53

Е.Н. Гордеева

АНАЛИЗ ХЭШТЕГОВ НА МАТЕРИАЛЕ
ЭКСПЕРТНЫХ БЛОГОВ В СЕТИ «ИНСТАГРАМ»53

В.В. Гузова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМА СОПРИЧАСТНОСТИ
В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК» 58

В.В. Ингул

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НОВЕЙШИХ АНГЛИЦИЗМОВ
В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ61

А.А. Носкова

РЕЧЕВОЙ ЖАНР МЕМА В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ66

Е.А. Прокофьева

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ
НЕКОРРЕКТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СМИ70

Е.А. Турпанова

ПРОЗВИЩА В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ
КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ.....74

К.В. Шульгина

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА78

ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ.....82

А.В. Гамзина

МОТИВ СИРОТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА
(«ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН», КНИГА ПЕРВАЯ)82

Ю.С. Колесникова

ЭМОТИВНЫЕ СМЫСЛЫ
В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА ИПОЛИТА ТЕРЕНТЬЕВА
КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ».....85

Е.А. Комарова

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
В НЕИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ
ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»89

<i>Я.А. Миронова</i> ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»	93
<i>А.С. Мони</i> ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ».....	96
<i>М.А. Окунева</i> РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЛИРИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ В ПОЭМЕ И. БРОДСКОГО «ГОРБУНОВ И ГОРЧАКОВ»	102
<i>Л.А. Покусина</i> ЗНАЧЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ».....	106
<i>Д.В. Савина</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР».....	110
<i>А.Е. Уфимцев</i> СБОРНИК ЛИРИЧЕСКИХ МИНИАТЮР «ЗАТЕСИ» В.П. АСТАФЬЕВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	113
РУССКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ	117
<i>Ли Шюй</i> ОБРАЗОВАНИЕ ВИДОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	117
<i>С.М. Скакунова</i> РАБОТА СО ЗВУЧАЩИМ ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	120
<i>А.С. Смолина</i> АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: ПОДХОДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	124
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА	132
<i>А.А. Курделяс</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ	132
<i>О.М. Фоляк</i> СТИЛИСТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫЕ ТИПЫ СУФФИКСАЛЬНЫХ СУБСТАНТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	136
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	139
СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ	143

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТРЕХ ХРИСТИАНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ В КИНОНОВЕЛЛЕ МАРА БАЙДЖИЕВА «ЛИВЕНЬ»

THE LINGUISTIC EMBODIMENT OF THE THREE CHRISTIAN VIRTUES IN MARA BAIJIEV'S FILM NOVELLA "THE DOWNPOUR"

В.Ю. Ахмятзянова

V.U. Akhmyatzyanova

Научный руководитель **Н.А. Бурмакина**
Scientific adviser **N.A. Burmakina**

Ключевые слова: христианские добродетели, вера, надежда, любовь, семантическое поле, киноновелла.

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому анализу (на лексическом уровне) понятий «вера», «надежда» и «любовь» в контексте православных нравственных ценностей. Источником исследования является киноновелла Мара Байджиева «Ливень».

Keywords: christian virtues, faith, hope, love, semantic field, film novel.

Abstract. This article is devoted to the linguistic analysis (at the lexical level) of the concepts of "faith", "hope" and "love" in the context of Orthodox moral values. The source of the research is the film novella "The downpour" by Mara Baijiev.

В истории мировой этической мысли общий круг пороков и добродетелей определялся обычно в зависимости от того, какой смысл вкладывался различными философами и моралистами в сами понятия. По «Словарю русской ментальности» В.В. Колесова, **добродетель** – это «нравственно-

положительное качество человека, проявляющееся в способности творить добро в своем поведении» [3, т. 1, с. 207].

Основными в христианской культуре принято считать три добродетели: веру, надежду и любовь. Следовательно, данные понятия входят в семантическое поле «добродетель».

Сюжетообразующей темой киноновеллы является тема любви, поэтому анализ стоит начать с понятия «**любовь**». В тексте было выделено 17 лексем. Надо отметить, что 11 из них имеют положительное значение и характеризуют любовь как добродетель. Остальные 6 несут в себе отрицательную коннотацию, что позволяет отнести их скорее к семантическому полю «порок», чем «добродетель». Это противопоставление двух смыслов одного понятия является ключевым в понимании любви главными героями как чувства.

Понятие «любовь» является многозначным, но в тексте киноновеллы оно представлено в трех значениях. Два из них являются основными [7]:

1) только ед. **Чувство привязанности**, основанное на **общности интересов**, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу. «*Бросить ему вызов за любовь прекрасной цыганки?*»;

2) только ед. **Чувство привязанности, основанное на половом влечении**; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. «*Может, просто устал от такой любви, загрустил по своей прежней дурацкой свободе*».

Третье значение является более общим и возвышенным: «Любовь – отношение к кому-либо или чему-либо как безусловно ценному, объединение и соединенность с кем (чем) воспринимается как благо, т.е. **одна из высших ценностей**» [5]: «*Пока жив человек, будет в мире и любовь, и ненависть, и добро, и зло*». Но в большей части понятие «любовь» в киноновелле представлено глаголами (8 глаголов). Все их можно разделить на 3 группы, в зависимости от приведенных

выше определений, так как любить, по Д.Н. Ушакову, это «испытывать любовь...». Лексема «любовь» фигурирует в приведенных выше значениях только в репликах Нази и Азиза. Причем понимание любви Азизом сводится к третьему значению (любовь как благо), в то время как понимание Нази только начинает формироваться в данном направлении. Он явился для нее наставником.

Понятие «**надежда**» в тексте представлено в основном имплицитно. Вербально выражено оно только один раз в тексте: «...единственная **надежда** и защита – это я...». Данное понятие имеет следующее определение: «вера в возможность осуществления чего-н. радостного, благоприятного» [6, с. 261].

Имплицитно «надежда» выражена в образе простирающей руки к небу Нази, открытой душой для перемен: «*Но по берегу, утопая ногами в песке, бежит женщина с **распростертыми руками и смотрит в небо**. <...> По небу плывут вереницы **перелетных птиц***». Возникает образ птицы как символа свободы. Не случайно слово «птицы» сопровождается эпитетом «перелетные» (перелет как смена обстановки, изменение в жизни). Именно поэтому Нази восклицает: «*Я хочу с ва-а-а-ми!*»

Понятие «**вера**» встречается в тексте 6 раз. Важно отметить, что данное понятие выражено в форме глаголов, что делает его динамичным. Глагольный суффикс -ю-/-и(ть) имеет значение действия, различным образом связанного с тем, что названо производной основой, поэтому ощущается сопричастность героя к тому, во что он верит. Слово «**верить**» многозначно и в словаре С.И. Ожегова имеет 4 значения: 1) **быть убежденным, уверенным в ком (чем)-н.**; 2) **принимать за истину что-н.**; 3) **вполне доверять**; 4) **верить в Бога, веровать**.

В киноновелле на эксплицитном уровне встречаются 3 первых значения. «...*надо **верить** в нее*» (в 1-м значении),

«– Хорошо вы меня разыграли! А я, глупец, **поверил!** – признался он» (во 2-м значении), «– **Верю.** Но сейчас это как-то иначе называется» (в 3-м значении).

Форму **завета** принимают слова Азиза: «Но скажу одно – **верь** всегда, что человек в существе своем добр и прекрасен». Этому способствует побудительное наклонение глагола. И «**завет**» в данном случае имеет оба значения: 1) «Наставление, совет последователям, потомкам» [6, с. 140]; 2) «В Библии под Заветом понимается союз Бога и человека с целью спасения человека Богом в вечности и познание человеком Бога» [2].

Азиз невольно соотносится у Нази с Богом (в момент речи героиня думает о подвиге Азиза, но умалчивает его имя): «– Вот если бы пришел... – начала она // – Кто пришел? // – Положим, **бог**. Пришел бы и сказал: Искандер, умри ты, иначе умрут тысячи других. Умер бы?». Здесь и проявляется четвертое значение понятия «**вера**», выраженное имплицитно: «**Верить в Бога, веровать**».

В тексте киноновеллы сокрыт библейский мотив: «Сын Божий вочеловечивается и, будучи совершенно безгрешным, принимает на Себя всю вину за грех человеческого рода, принося Себя в искупительную жертву Божественной справедливости, чтобы люди уверовали» [4].

Описанный в тексте подвиг офицера воплощает в себе данный мотив. Азиз ценной собственной жизни спасает тысячи других. Но Нази называет его преступником, осуждает: «Может, на теплоходе, который вы спасли, была мать, продавшая честь своей дочери? Был человек, подло обманувший девушку, <...>. А вы ценою собственной жизни спасли всю эту компанию!»

Азиз оказывается тем человеком, кто выслушал и попытался понять главную героиню, кто наставил на путь очищения и вселил веру в жизнь: «...*весь мир казался голубым – женщина **поверила** в счастье...*».

Библиографический список

1. Байджиев М. Рассказы и повести. Бишкек, 2005. 432 с.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron2/1889678.html> (дата обращения: 10.03.21).
3. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. 1184 с.
4. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Слово Пастыря [Электронный источник]. URL: https://azbyka.ru/slovo-pastyrya#a_z93 (дата обращения: 28.04.21).
5. Новый философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy> (дата обращения: 06.01.21).
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ОНИКС, 2007. 640 с.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/usakov> (дата обращения: 06.01.21).

ТОПОНИМИЯ ГОРОДА НЕРЮНГРИ

TOPONYMY OF THE CITY OF NERYUNGRI

П.А. Вершинина

P.A. Vershinina

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasilyeva

Ключевые слова: топонимия, эргонимия, годонимия, экклезионимия, культурные объекты.

Аннотация. Топонимы являются неотъемлемой частью истории родного края, поскольку это своеобразные исторические памятники, способствующие развитию языковой культуры. Следовательно, актуальность предпринятого исследования не вызывает сомнений. Цель данной работы – описание, исследование и классификация топонимов города Нерюнгри в культурно-историческом аспекте. Основными методами исследования являются: лингвистический и ономонологический анализ, обобщение полученной информации. В ходе исследования было выявлено и описано 519 языковых единиц, проанализированы основные принципы номинации коммерческих объектов.

Keywords: *toponymy, ergonymy, godonymy, ecclesionymy, cultural objects.*

Abstract. Toponyms are an integral part of the history of the native land, as they are unique historical monuments that contribute to the development of linguistic culture. Therefore, the relevance of the research undertaken is beyond doubt. The purpose of this work is to describe, study and classify the toponyms of the city of Neryungri in the cultural and historical aspect. The main research methods are: linguistic-historical and onomosiological analysis, generalization of the information obtained. In the course of the study, 519 language units were identified and described, and the basic principles of the nomination of commercial objects were analyzed.

Ономастика – раздел языкознания, изучающий имена собственные (от греч. «искусство давать имена»). Под **топонимикой** следует понимать научную дисциплину, занимающуюся изучением географических названий. **Топонимия** – совокупность географических названий определенной территории.

Город Нерюнгри – это небольшой город на территории Республики Саха (Якутия), культурный и промышленный центр Южной Якутии. Как правило, в каждом городе есть определенные места и сооружения, посвященные памяти человека или какого-либо исторического события. Всего в городе Нерюнгри насчитывается восемь таких мест. Они посвящены памяти погибших в Великой Отечественной войне (*Мемориал Славы, Обелиск Славы*), а также увековечивают имена великих людей, внесших значительный вклад в историю развития не только Якутии, но всей нашей страны в целом, например, *памятник В.И. Ленину* как основателю Коммунистической партии и Советского государства, *памятник Г.И. Чиряеву* и др. **Экклезионимы** – имена религиозного общения [1]. В Нерюнгри экклезионимия достаточно многообразна (храмы, церкви, часовни, а также Молитвенная комната). Что касается **годонимии**, то в настоящее время в городе Нерюнгри сохранилось семнадцать названий

улиц. Все они увековечивают имена людей либо хранят в себе память каких-либо значительных событий в истории развития города Нерюнгри. Среди всех улиц города Нерюнгри главной, центральной является *улица Ленина*, названная в честь вождя В.И. Ленина. Весьма многообразна и ярко представлена культурная жизнь города Нерюнгри. В систему образовательных учреждений входят школы, детские сады, институты, колледжи, техникумы, образовательные центры. В систему медицинских учреждений входят больницы, аптеки, стоматологии, медицинские центры, салоны оптики, социальные учреждения. Есть финансовые учреждения, аэропорты, вокзалы. **Эргоним** – это имя собственное делового объединения людей (организации, учреждения, заведения). Опираясь на диссертационную работу Л.Р. Замалетдиновой, следует распределить эргонимы города Нерюнгри по принципам номинации коммерческих объектов. **Информативный принцип** – эргонимы содержат в названии информацию о специализации заведения. Это отобъектные наименования: «*Овощи-фрукты*», «*Цветы*». **Ассоциативно-информативный принцип** – в основе эргонима лежит не только метонимический, но и метафорический перенос: «*У Татьяны*», «*Platinum*» (пластичный, то есть умение хорошо двигаться (клуб)). **Ассоциативно-концептуальный принцип** – направлен на формирование ассоциаций, связанных не только со специализацией заведения, но и с его концепцией: «*Как дома*», «*Триумф*» (посетители будут с роскошными прическами, работники одержат триумфальную победу над стилем посетителя (метафора)). **Эстетический принцип** – номинатор при выборе имени заведения стремится сделать его не только информативным, но и красивым, благозвучным, привлекательным с эстетической точки зрения: «*Amore*

Fiori», «Золотая долина». **Развлекательный принцип** – используется, когда заведение ориентировано на молодежную аудиторию. Характерна креативность, наблюдается игровой характер слов: «ЛанУшки», «Ча-Ча», «Ёмаё». **Топографический принцип** – эргоним прямо или косвенно указывает на месторасположение заведения: «Европа», «Hostel on Druzhyby Narodov 13», «Проспект» [1].

**Результаты исследования эргонимов Нерюнгри
по принципам коммерческой номинации
(по Л.Р. Замалетдиновой)**

Принцип	Количество языковых единиц
Информативный	148
Ассоциативно-информативный	102
Ассоциативно-концептуальный	38
Эстетический	119
Развлекательный	30
Топографический	3

Результаты исследования показали, что среди эргонимов города Нерюнгри встречаются как отобъектные, так и отсубъектные наименования. Наиболее распространенным принципом номинации оказался информативный, чуть менее популярен эстетический принцип. Самым непопулярным оказался топографический принцип. Следовательно, при выборе наименования заведения или учреждения владельцы в основном стремятся сделать его не просто информативным, но и привлекательным. Можно сделать вывод, что топонимические единицы города Нерюнгри составляют важную часть истории и культуры народа на каждом этапе его развития, а собственно топонимия представляет собой зеркало человеческой истории.

Библиографический список

1. Замалетдинова Л.Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/> (дата обращения: 23.12.2020).
2. Шмелева Т.В. Ономастика: учеб. пособие / Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. Славянск-на-Кубани, 2013. 161 с.

ГОРОД В ЯЗЫКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

CITY IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW

И.А. Захарова

I.A. Zakharova

Научный руководитель Е.В. Осетрова

Scientific adviser E.V. Osetrova

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, ключевая идея, языковой образ, семантическая модель.

Аннотация. В работе описывается семантическая модель города, рассматриваются представления о городе как о живом организме с помощью методов и методологии языковой семантики.

Keywords: cultural linguistics, linguistic worldview, concept, key idea, linguistic image, semantic model.

Abstract. The article describes the semantic model of the city, considers the idea of the city as a living organism using the methods and methodology of linguistic semantics.

Современное языкознание характеризуется ярко выраженным антропоцентризмом. Возникновение данной парадигмы обуславливается тем, что «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои... эмоции, свой интеллект, свое отношение к... миру, природе, свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [1, с. 3].

Понятие языковой картины мира весьма популярно в лингвистике [6, с. 24]. Это понятие берет начало из предположения о существовании двух миров – первичного (объективного) и вторичного (субъективного) [3, с. 14]. При этом понятия «картина мира» и «языковая картина мира» не являются синонимичными [4, с. 64]. Если «картина мира» – это скорее метафора, обозначающая отражение окружающего мира в человеческом сознании, то «языковая картина мира» – конкретная лингвистическая категория, представляющая собой совокупность реконструированных семантических полей, классов взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц языка.

Зарубежное и отечественное современное языкознание характеризуется бурным развитием когнитивной лингвистики, чем обусловлена актуальность изучения ее ключевых понятий, среди которых концепт является одним из главных. А. Вежбицкая трактует концепт как «объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отображающий определенные культурно-обусловленные понятия человека о мире “Действительность”» [Цит. по: 8, с. 90], а М.В. Никитин – как «мысль о чем-то общем или единичном, понятие или представление» [5, с. 165]. С.Г. Воркачев считает, что концепт – это «культурно окрашенный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [2, с. 48].

Распространенность данного термина не свидетельствует о его универсальности: устойчивое словарное определение «концепта» не выработано до сих пор. Одновременно ученые проявляют единодушие в том, что неизменным в нем будет представленность концепта в

вербальном и невербальном языке. Единодушны они и в признании особо значимых концептов: «человек», «общество», «город» и т.д. [7].

Выбор концепта «город» в качестве объекта анализа обусловлен тем, что город – один из основополагающих феноменов современной культуры, который не просто создает и организует реальное социальное пространство, но во многом определяет мировосприятие индивида и специфику социума. Город – это универсальная культурная константа, которая легко обобщается в семантическом плане, отражая характеристики проживающего в нем социума: политические, экономические, религиозные, нравственные и т.п.

Исследование материалов Национального корпуса русского языка (100 текстовых фрагментов из газет 2000-х гг.) показало, что концепт «город» предстает не только как географический объект, промышленный и культурный центр – он описывается как некое живое существо, действующее по своим законам и своему распорядку.

Город, в позиции сирконстранта, оформленный **локативом** – обстоятельством места, выступает как некая условная точка-координата: *идти в город; выбраться / перебраться / пробираться в город; поехать / уехать / выезжать в город; выезжать за город; подъезжать к городу* и т.п. Эта позиция поддерживается предикатами движения (см. вышеприведенные примеры), существования (*жить в городе*), действия (*в городе был построен*) и восприятия (*заторы наблюдались в городах*), описывающими динамическую природу различных субъектов (объектов). Еще точнее, *город* ассоциируется языковым сознанием с неким пространством, внутри которого и вне которого возможен широкий спектр перемещений и местоположений; ср.:

в город – через город – из города; за город; в городе; у города; от города; на город – под городом.

Другой семантической позицией, выделенной в структуре языковых ситуаций, оказалась позиция **объекта**. Здесь можно говорить о четырех объектных типах: объективе (*город изменился*), результативе (*появится город, построить город; привести город в порядок*), а также объекте деструктивного / ущербного действия (ср.: *обстрел города; город покинули около 500 тыс. человек*). Отдельно выделяются словосочетания, в которых *город* квалифицирован как объект принадлежности конкретному субъекту (*свой город, город Иосифа Виссарионовича, город Сталина, город Саддама Хусейна, родной город Хусейна* и т.д.) либо государству / межнациональному объединению (*город России, города США, города Европы* и т.д.).

Наконец, в процессе семантического анализа глагольной, номинативной (имена существительные) и qualificative (имена прилагательные) лексики установлено, что для создания антропоморфного образа *города* используется представление о нем как об активно действующем **субъекте**. Очевидно, что в основе этих представлений лежит образная идея.

Первым ее воплощением оказываются тексты, в которых *городу* – «властному субъекту» – приписан набор соответствующих действий в типичных сферах социальной активности:

– строительство: *город сделал квартальную застройку приоритетной; город и область настаивали на необходимости создать именно юго-восточный транспортный кластер;*

– торговля: *город выделит почти 104 млн рублей; город определяет порядок торговли; город не будет больше привлекать независимых оценщиков;*

– образование: *город платит за каждого ученика; город уже три года предоставляет школьникам возможность бесплатно отметить выпускной;*

– гостеприимство: *город готовится к приему русских туристов; город выпустил путеводитель болельщика с ключевыми фразами на русском языке; город готов к приему болельщиков из России.*

Город как власть не только самостоятельно осуществляет набор действий, но и воздействует на права сильнейшего на других соучастников процесса. Это оформляется модальными глагольными комплексами с включением объектов воздействия; ср.: пытается заставить застройщиков ускорить проектно-строительные работы; и город не имеет права контролировать ассортимент товаров.

В границах той же субъектной роли развивается и образ противоположного значения – *город как народ (народонаселение): город получил нормальные объезды и дороги, и улицы чистые; весь город в один час взял и положил на работу жезл своего к ней безразличия*. В отличие от предыдущей группы, в оформлении которой доминируют глаголы активного социально-волевого действия, в данном случае используются глаголы и глагольные комплексы с семантикой пассивного восприятия, даже бездействия – уточнением субъектной роли здесь оказывается бенефициенс.

Из проведенного анализа материалов можно сделать следующие выводы.

1. *Город* как элемент типовых ситуаций, описываемых в медийных текстах, – в семантическом аспекте – укладывается в рамки трех актантных ролей: локатива, объекта и субъекта.
2. *Город* в роли субъекта демонстрирует своеобразный семантический потенциал, развиваясь, с одной стороны, в образ «властного хозяина», а с другой – в образ

«домочадца». Активность одного и пассивность другого субъекта отражены в сочетаемости лексемы, в частности глагольной лексике. Выделенные образы имеют антропоморфный характер: данный феномен осмыслен как некое живое существо, более того, как существо человеческое.

3. Квалификативы в соответствующих описаниях организованы в несколько содержательных групп, каждая из которых коррелирует с той или иной семантической ролью *города*, выполняя в отношении последней функцию «поддержки».
4. Семантический портрет города «рисует» разнообразными языковыми средствами – от прилагательных до существительных и глагольной лексики.

Библиографический список

1. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76–83.
3. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 391 с.
4. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: лекционный курс. М.: Гнозис, 2001. 280 с.
5. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 166 с.
6. Осетрова Е.В. Манифестация факта, или Событие выражения: монография / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск, 2012. 275 с.
7. Сертакова Е.А. Концепт «город» в русской культуре // Человек и культура. 2014. № 2. С. 97–126.
8. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 74–117.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА КРАСНОГО ЦВЕТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECTS OF THE ANALYSIS OF RED COLOR IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Сунь Юньхуа

Sun Yunhua

Научный руководитель **И.В. Ревенко**
Scientific adviser **I.V. Revenko**

Ключевые слова: колоративы, языковая картина мира, лингвоцветовая картина мира, цветовые стереотипы.

Аннотация. В статье рассматриваются колоративы как результат лингвокогнитивной деятельности народа. Цветообозначение как особая лексическая группа фиксирует в языке стереотипы, символические ассоциации, эмоциональные и культурные маркеры, закрепляемые за тем или иным цветообозначением в лингвокультурах русского и китайского языков.

Keywords: coloratives, language picture of the world, linguistic color picture of the world, color stereotypes.

Abstract. The article deals with coloratives as a result of the linguocognitive activity of the people. Color meanings as a special lexical group fixates in the language the stereotypes, symbolic associations, emotional and cultural markers assigned to a particular color meaning in the linguistic cultures of the Russian and Chinese languages.

Изучение цветообозначений при когнитивном рассмотрении моделирует фрагмент языковой картины мира, которая является результатом лингвокогнитивной деятельности народов. Основными категориями в когнитивном исследовании являются понятия языковой картины мира и цвета-прототипа. Например, А. Вежбицкая пишет о том, что прототипом для желтого цвета является солнце [2]. В рамках когнитивного аспекта можно рассматривать и лингвокультурные исследования.

Я.А. Астахова, описывая цветообозначения как элемент языковой картины мира, указывает на возникновение в русской лингвокультуре цветовых стереотипов: «употребляемые в субстантивном значении *красный* (сторонник коммунистического режима), *белый* (приверженец царской власти), *черный* (наименование национальностей, представители которых имеют смуглый или темный цвет кожи), *зеленый* (представитель движения по охране окружающей среды), *голубой* (представитель сексуальных меньшинств), *серый* (незаметный человек...)» [1, с. 15].

Проведенный Гэй Цзян лексико-семантический анализ показал, что значения колоративов китайского языка «представляют собой набор семантических компонентов, отражающих необходимую информацию, заложенную носителями языка в каждое цветообозначение» [3, с. 135]. Семантическую структуру цветоименований в китайском языке можно описать формулой «категориальный признак + сравнительный оборот»: например, 红 *hóng* – красный «像鲜血的颜色 – цвет крови».

Одним из базовых цветов, встречающихся в устойчивых выражениях обоих языков, является красный цвет. Символика красного цвета похожа в китайской и русской культурах: «процветание», «счастье», «праздник». Например, такое значение определяется у выражения 开门红 – дословно «открыть двери к успеху» (значение – положить успешное начало, дать с самого начала положительные результаты). В китайском языке есть устойчивые выражения, основанные на метафорической соотнесенности с огнем: 红红火火 – дословно «красный; красный огонь», выражаемое значение – «жизнь кого-либо бьет ключом» – пустить красного петуха.

В китайском языке красный – особо популярный цвет. Так, в Пекинской опере у положительных героев лица раскрашены в красный цвет. Отсюда устойчивое выражение – 唱红脸 – дословно «петь в красной маске», значение – изображать положительного героя. Красный – главный

цвет праздников в Китае: 牵红线 – дословно «протягивать красную нить», значение – устраивать брачные знакомства; 红蛋 – дословно «красное яйцо», яйцо, которое дарят матери новорожденного как пожелание благополучия; 红娘 – дословно «красная няня», значение – сваха. В русских фразеологизмах также представлено такое значение: *красный день календаря*. Следует отметить, что семантика праздника в русских фразеологизмах связана не с цветом ритуальных, «праздничных» предметов, а с традицией, характерной для русского общества (ранее в отрывных календарях дата праздника печаталась красным).

Устойчивые выражения с колоративом *красный* в русском и китайском языках активно используются для выражения эмоциональных состояний. Так в русских единицах передаются эмоции смущения, стыда или обиды: *покраснеть как маков цвет / как рак / как помидор; покраснеть до самых ушей*; а также злости или раздражения: *покраснеть, побагроветь как индюк*. Такие же эмоции отражают устойчивые выражения в китайском языке: 脸红耳赤 – дословно «лицо красное, уши красные», значение – залиться краской (от стыда, смущения); 面红颈赤 – дословно «лицо красное, горло красное», значение – покраснеть (от смущения, волнения); 脸红筋涨 – дословно «лицо покраснело, мускулы надулись» покраснеть (от гнева).

Библиографический список

1. Астахова Я.А. Цветообозначения в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 19 с.
2. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 231–290.
3. Гэй Цзян. Цветообозначения в китайской и русской лингвокультурологической традиции // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2017. № 2 (50). С. 134–140.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЧАТОВ WhatsApp¹

SPEECH PORTRAIT OF A TEACHER IN THE INTERNET SPACE BASED ON WhatsApp CHATS

К.В. Берсенёва

K.V. Berseneva

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific supervisor S.P. Vasilyeva

Ключевые слова: речевой портрет, учитель, речевое поведение, коммуникативное поведение, языковая личность, штампы, интернет-коммуникация, интернет-пространство.

Аннотация. В статье рассматривается речевое поведение учителей в процессе интернет-коммуникации в чатах WhatsApp.

Keywords: speech portrait, teacher, speech behavior, communicative behavior, language personality, stamps, internet-communication.

Abstract. The article examines the speech behavior of teachers in the process of Internet communication in WhatsApp chats.

Речь педагога становится образцом для детей, поэтому к ней предъявляются высокие требования: содер-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 20-412-242001/20 «Изучение ценностной картины мира профессиональной группы „педагог“ Красноярского края».

жительность, точность, логичность; смысловая выразительность; хорошая дикция, соблюдение правил речевого этикета. Важно уметь использовать и невербальные средства общения (жесты, мимику, пантомимические движения) [3, с. 488].

Рассмотрим особенности использования учителями языковых единиц на разных языковых уровнях (синтаксическом, лексическом) и особенности речевого поведения в интернет-пространстве.

Чаты в WhatsApp – это такое виртуальное пространство, которое создает ощущение сплоченности коллектива, дружеских отношений родителей с классным руководителем, учителями. Мессенджеры дают немало возможностей для коммуникации между людьми. В группах можно обновлять статусы, размещать новости, анонсы, фотографии, видео. Доступ ко всей этой информации имеют одновременно неограниченное количество людей: ученики, преподаватели и даже родители. В таких группах школьники смогут задавать вопросы по поводу учебы друг другу и учителям и оперативно получать на них ответы. Преподаватели же имеют возможность инициировать дискуссии, повышая интерес детей к учебе, выкладывая различные видео, фото, текстовые документы и другие материалы для того, чтобы ученики могли подготовиться к тому или иному уроку [4].

Отметим, что педагоги используют этикетные формулы (приветствия, прощания, просьбы, предложения) с учетом ситуации общения и характера адресата [4, с. 365]. Наиболее популярные этикетные фразы в чатах:

«Уважаемые родители, коллеги, ребята...», «Добрый вечер, утро...», «Спасибо за...».

Формы множественного числа в значении побуждения к действию: *«Приходим, делаем, пишем, не забываем»;*

– обращения к определенной группе людей (ученики, родители и т.д.): «*Просьба к вам, попрошу вас*», «*Ребята, уважаемые родители*»;

– дружеские обращения, подчеркивающие родство, близость: «*Добрый день, мои хорошие!*»;

– модальные глаголы: «*нужно, можно*»;

– выражение сопричастности: обращение во мн. ч.: «*мы ждем, мы будем, завтра мы с ребятами*», «*девочки, я думаю...*», «*наши ребята самые лучшие*», «*у меня Дениска / Данилка стал лучше заниматься*», «*нужна ваша помощь, я понимаю, но давайте вместе прикинем...*».

Также имеет место быть более сдержанный тип общения в напоминаниях, кратко, в основном пересылаемые сообщения:

«*Напоминаю, завтра приходим в 9:00*», «*Информация по питанию...*», «*Завтра несем с собой...*».

Экспрессия выражается обилием восклицательных знаков в случаях обязательности: «*Завтра возьмите с собой форму!!!!*»

Общение ведется в основном в стиле деловой, официальной переписки.

Интересен речевой портрет директора школы, так как в его сообщениях используется множество многоточий, обращений, юмора и иронии (сохранены авторские знаки препинания):

«*Коллеги отдохните... все проблемы решим...*»;

в общении директора с коллегами характерна поддержка любой инициативы: «*Анна Николаевна, ты просто супер, если сама сочинила...*», «*Дорогие коллеги... главное, завершить благополучно год...*».

Одним из основных средств выразительности является ирония [4]. Использование юмора в чатах. В ситуации общения в интернет-пространстве юмор способствует

благоприятному разрешению конфликтных ситуаций, может выступать как средство снятия психологического напряжения, психологической разрядки.

В речи используются включения-пояснения: *Юмор: хоть бы эти деньги не отобрали, куда там добавки...;*

– уход от ответа с помощью юмора: *«Вы же знаете я готов платить хоть сколько...»;*

– повторы: *Информация секретная / не забываем о секретности / ждем официальное подтверждение информации»;*

– выражается сопричастность: *Наша задача...;*

– мотивация в целях сплочения коллектива: *«Вот бы сделать... / вот бы нам придумать...»;*

– эмоции: *«Добрый день коллеги, я в ярости...».*

Полученные данные можно использовать при разработке конкретных рекомендаций по оптимизации речевого поведения учителей в интернет-пространстве на курсах повышения квалификации и лингвистических семинарах.

Библиографический список

1. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека: Человек в системе наук. М., 1989. С. 361–370.
2. Речевой портрет и способы его описания [Электронный ресурс]. URL: http://studbooks.net/1179058/menedzhment/rechevoy_portret_sposoby_opisaniya (дата обращения: 30.05.21).
3. Ртищева О.А., Якушева С.Д. Формирование речевой культуры личности педагога – мастера дошкольного образовательного учреждения // Научное сообщество студентов XXI столетия: материалы III студенческой Международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. Ч. II. 607 с.
2. Уракова Ф.К., Шхапацева М.Х. Использование языковых единиц разного уровня в построении текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 199.

ТЕРМИНЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
В ЦЕННОСТНОМ АСПЕКТЕ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
СУБЪЕКТИВНОГО ШКАЛИРОВАНИЯ¹

TERMS OF THE PEDAGOGICAL SPHERE
IN THE VALUE ASPECT BASED
ON THE RESULTS OF SUBJECTIVE SCALING

Д.Г. Васильцов
А.В. Грачев
Ю.А. Кардава
Т.А. Митрошенко

D.G. Vasiltsov
A.V. Grachev
U.A. Kardava
T.A. Mitroshenko

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Ключевые слова: учитель, субъективное шкалирование, психолингвистика, эксперимент, оценка.

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов психолингвистического эксперимента по методу субъективного шкалирования. Цель эксперимента – выявление ценностных предпочтений испытуемых на стимулы: *знания, навыки, контроль, ЕГЭ*. Выявлено, что в оценке стимулов *знания, навыки* преобладают положительные оценки, в оценке стимула *контроль* – в основном нейтральные, стимула *ЕГЭ* – нейтральные и отрицательные.

Keywords: *teacher, subjective scaling, psycholinguistics, experiment, evaluation.*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the results of a psycholinguistic experiment using the method of subjective scaling. The purpose of the experiment is to identify the value preferences of the subjects for stimuli:

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 20-412-242001/20 «Изучение ценностной картины мира профессиональной группы „педагог“ Красноярского края».

knowledge, skills, control, USE. It was revealed that positive assessments predominate in the assessment of *knowledge* and *skills* incentives, mostly neutral assessments are typical in the assessment of the *control* incentive, and both neutral and negative assessments are given to the *SSE* incentive.

В рамках исследования профессиональной группы «педагог» участниками проекта был проведен социологический эксперимент по типу субъективного шкалирования. При проведении эксперимента по методу субъективного шкалирования в анкетах использована пятизначная градуальная оценочная шкала: «очень хорошо», «хорошо», «нейтрально», «плохо», «очень плохо» [2, с. 125]. Цель эксперимента: 1) определить в количественных показателях степень положительного или отрицательного отношения испытуемых к предложенным словам-стимулам: *знания, навыки, контроль, ЕГЭ*; 2) установить различие в оценке названных понятий учителями, имеющими различный педагогический стаж.

В эксперименте приняли участие 75 учителей с различным педагогическим стажем: до 10 лет, до 20 лет, до 30 лет, до 40 лет, до 50 лет.

В анкетах был дан ряд понятий, которым нужно было дать оценку. В результате обработки анкет представлены таблицы, полученные по итогам эксперимента среди учителей разных школ города Красноярск.

Левая колонка в таблице содержит шкалу субъективных оценок, в последующих колонках представлены результаты оценок в зависимости от стажа анкетированных учителей.

Стимул знания

Существительное **знание**, -я, ср. 1. См. знать. 2. Результаты познания, научные сведения. Различные области знания. 3. Совокупность сведений в какой-н. области. Специалист с хорошими знаниями. Со знанием дела [3].

Итоги анализа стимула *знание*

Оценка	Очень хорошо	Хорошо	Нейтрально	Плохо	Очень плохо
Стаж до 10 лет	13-62 %	6-28,5 %	2-9 %		
Стаж до 20 лет	6-66,6 %	3-33,4 %			
Стаж до 30 лет	15-60 %	8-32 %	2-8 %		
Стаж до 40 лет	6-42,8 %	5-35,7 %	3-21 %		
Стаж до 50 лет	3-60 %	2-40 %			
Стаж до 60 лет	1-100 %				

Из данных табл. 1 видно, что никто из учителей не оценил стимул *знания* «плохо» или «очень плохо». В группе испытуемых со стажем до 10 лет 62 % оценивают *знания* «очень хорошо»; 28,5 % – «хорошо» и лишь 9,5 % – «нейтрально».

В группе испытуемых со стажем до 20 лет есть только оценки «очень хорошо» (66,6 %) и «хорошо» (33,4 %).

В группе испытуемых со стажем до 30 лет 60 % дали оценку «очень хорошо», 32 % – «хорошо» и 8 % – «нейтрально».

В группе испытуемых со стажем до 40 лет 42,8 % дали оценку «очень хорошо», 35,7 % – «хорошо» и 21,5 % – нейтрально.

В группе испытуемых со стажем до 50 лет 60 % – «очень хорошо» и 40 % – «хорошо».

В группе испытуемых со стажем до 60 лет оказался 1 человек, который дал оценку – «очень хорошо» (100 %).

Высокие оценки стимула *знание* объясняются принадлежностью испытуемых к профессии учителя, цель которого научить школьников, то есть дать знания.

Стимул *навыки*

Существительное **навык** образовано от глагола научить – научение, -я, ср. 1. См. учить. 2. Формирование у

индивида опыта поведения: привыкания, различных рефлексов, реакций и навыков (спец.) [3].

Стимул *навыки* имеет важное значение в рамках педагогической и учебно-воспитательной работы учителей и в учебной деятельности самих школьников. Навыки – это компоненты практической деятельности, проявляющиеся при выполнении необходимых действий, доведенных до совершенства путем многократного упражнения. Каждый учитель отрабатывает навыки, которые будут способствовать его дальнейшей работе с классом: навыки общения и речевые способности, мышление, педагогическая наблюдательность, интеллигентность и т.д. Навыки формируются на протяжении всей практики учителя. Освоение всех компетенций происходит именно в ходе работы с детьми. Учитель стремится выработать у обучаемых множество навыков. К ним, например, относятся действия: внимательное и сознательное слушание учителя, действия по плану, самостоятельное выполнение поставленной задачи, использование краткой и распространенной форм ответа, способность аргументировать и аргументированно доказывать, дополнять ответы товарищей, давать критическую оценку собственных знаний и умений и многие другие. Владение такими навыками облегчает учение и повышает его эффективность.

Таблица 2

Итоги анализа стимула *навыки*

Стаж	Очень хорошо	Хорошо	Нейтрально	Плохо	Очень плохо
До 10 лет	45 %	45 %	10 %	-	-
До 20 лет	44 %	34 %	22 %	-	-
До 30 лет	64 %	28 %	8 %	-	-
До 40 лет	60 %	40 %	-	-	-
До 50 лет	100 %	-	-	-	-

В результате анализа анкеты многие опрошиваемые учителя отметили стимул *навыки* в категории «хорошо» и «очень хорошо». Малое количество отметок было отдано категории «нейтрально» на этот стимул. 45 % отметок приходится на категорию «хорошо» и 45 % отметок – «очень хорошо» у учителей со стажем до 10 лет. И это неудивительно, ведь большинство из этих опрошиваемых в приведенных анкетах были учителями начальных классов, где только закладываются все навыки и умения. Оценки учителей со стажем до 20 лет составили 44 % в категории оценок «очень хорошо». Можно предположить, что в этом соотношении большую роль играет стаж. Все крепче и крепче закладываются навыки педагога и ученика: у учителя совершенствуются навыки, внедряется что-то новое, меняются классы и возраст школьников и, естественно, программное обеспечение, дидактические материалы.

Учителя со стажем до 30–40 лет дают оценку стимула *навыки* – «очень хорошо», что составило 65 % опрошиваемых. Педагоги с таким стажем уже довели до автоматизма свои педагогические навыки, а также доводят до совершенства свои программы и разработки, отрабатывают навыки школьников.

В результате анкетирования мы выяснили, что навыки имеют большое значение в педагогической работе учителя и в учебной жизни школьника.

Стимул *контроль*

Имя существительное **контроль** определяется по глаголу **контролировать**, -рую, -руешь; -а-нный; несов., кого-что. Осуществлять контроль или надзор. К. учащихся. К. чью-н. работу. К. какую-н. территорию. П сов. проконтролировать, -рую, -руешь; -анный (осуществить контроль) [3].

Респондентами анкетирования были преподаватели с различным стажем. В табл. 3 приводятся результаты анализа стимула *контроль*.

Таблица 3

Итоги анализа стимула *контроль*

Стаж	До 10	До 20	До 30	До 40	До 50
Очень хорошо	22,70 %	33,30 %	20 %	27 %	-
Хорошо	36,40 %	33,30 %	28 %	27 %	33,30 %
Нейтрально	35,40 %	33,30 %	40 %	47 %	22,20 %
Плохо	4,50 %	-	8 %	-	44,40 %
Очень плохо	-	-	4 %	-	-

В табл. 3 можно видеть, как для преподавателей со стажем до 10 и до 20 лет контроль имеет положительную либо нейтральную оценку, однако уже в группах испытуемых со стажем до 30 и до 40 лет происходит сдвиг в нейтральную сторону, хотя распределение можно условно обозначить как 50:50 %.

Учителя в группе со стажем до 50 лет уже дают отрицательную характеристику понятию *контроль* – 44,4 %.

В результате анализа мы увидели, что с увеличением стажа учителей их оценка стимула *контроль* сдвигается в сторону отрицательной.

Можно предположить, что учителей-стажистов не устраивают существующие формы контроля или чрезмерный контроль, который практикуется в их школе.

Стимул ЕГЭ (Единый государственный экзамен)

Это особая итоговая форма контроля выпускников.

Существительное **экзамен**, -а, м. 1. По чему. Проверочное испытание по какому-н. учебному предмету [3].

Проанализировав анкеты участников эксперимента, мы пришли к следующему выводу: стимулу *ЕГЭ* дают оценку «хорошо» не более 20 % испытуемых. Большинство педагогов плохо относятся к *ЕГЭ*, особенно это касается учителей со стажем от 30 лет – 60 %. Среди испытуемых со стажем до 10 лет также распространена оценка «плохо» – 60 %.

Большинство среди всех опрошенных оценивают *ЕГЭ* «нейтрально». Возможно, это связано с тем, что пожелания учителей при выборе формы выпускного экзамена не учитывались. Есть даже мнение уважаемого в стране педагога Ш.А. Амонашвили, специалиста гуманно-личностного направления в психологии и педагогике: «*ЕГЭ* я считаю инородным осколком в здоровом теле» [1].

В результате анализа результатов эксперимента по типу субъективного шкалирования выявлено: в профессиональной группе «педагог» г. Красноярска при оценивании стимулов *знания, навыки* во всех группах преобладают положительные оценки, в оценке стимула *контроль* – в основном нейтральные, в оценке стимула *ЕГЭ* в группах до 40 и до 50 лет преобладает оценка «плохо», в других группах – оценка «нейтрально».

Библиографический список

1. Амонашвили Ш.А. Интервью. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/28431> (дата обращения: 29.05.2021).
2. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 204 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9279> (дата обращения: 29.05.2021).

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА
КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
ФАИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ РАНЕВСКОЙ**

WORD PLAY AS THE IMPLEMENTATION
OF FAINA RANEVSKAYA'S SPEECH PORTRAIT

С.Н. Грачева

S.N. Gracheva

Научный руководитель **Н.Н. Бебриш**
Scientific adviser **N.N. Bebrish**

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, языковая игра, речевое поведение, языковые средства реализации языковой игры.

Аннотация. В статье рассматривается место языковой игры в реализации личности Ф.Г. Раневской, анализируются афоризмы и высказывания актрисы, содержащие различные элементы языковой игры как части речевого портрета.

Keywords: speech portrait, language personality, language game, speech behavior, language tools for language game.

Abstract. The article examines the place of word-play in the personal realization of Faina Ranevskaya; analyzes the actress' aphorisms and statements, which contain various elements of word-play as a part of the speech portrait.

Языковая игра является важной частью речевого портрета. Б.Ю. Норман дает следующее определение языковой игры: «Языковая игра – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [3, с. 168]. Для языковой игры свойственно намеренное использование отклоняющихся от норм явлений.

В.З. Санников выделяет, например, такие функции языковой игры, как языкотворческая – построение своеобразных по форме и значению единиц; функция обогащения языка за счет «игры, переставшей быть игрой», например сравнений, метафор [4]. К языковой игре относятся намеренное искажение слова, обыгрывание звукового состава и внутренней формы слова, каламбуры, разные виды тропов (сравнения, перифразы). По мнению Л.П. Крысина, к языковой игре в наибольшей степени склонны образованные и культурные носители языка [1, с. 90–101].

Цель работы – рассмотреть способы создания языковой игры в речи актрисы Фаины Георгиевны Раневской.

Материалом для исследования послужили воспоминания коллег и друзей актрисы (М. Нееловой, Ю. Завадского, Л. Лосева и других), интервью с Раневской (1979), книга «Фаина Раневская. Одинокая насмешница» А. Шляхова и книга Л. Лосева «О Раневской» [2].

Наиболее частым приемом языковой игры в речи актрисы является **каламбур**. Приведем примеры, где она использует прием сравнения слов, сходных по звучанию.

Фаина Георгиевна любила писать натюрморты и называла их «*натур и морды*». «*Моя собака живет, как Сара Бернар, а я как сенбернар*».

В речи актрисы встречаются самые разнообразные тропы, но наиболее употребительными являются сравнения, перифразы. Также характерно использование авторских неологизмов.

Сравнение выражается:

1) сравнительным оборотом с союзами *как, словно, будто, точно, как будто*:

«Талант **как бородавка**. Либо он есть, либо нет»;

2) существительным в творительном падеже:

«<...> *Есть приبلудная собака, она живет моей заботой, – собакой одинокой живу я, и недолго, слава Богу, осталось*»;

3) существительным в именительном падеже в роли именной части сказуемого или приложения:

«Орфографические ошибки в письме – как клоп на белой блузке».

Перифраз как способ оценки, выражения собственного мнения широко использовался в речи актрисы. Лев Лосев, русский поэт, литературовед, вспоминал о встречах с Ф.Г. Раневской:

«Юмор у нее был, я бы сказал, суровый. <...> Особенно когда она сердилась. Тут пощадь не было никому: о режиссере – „вытянутый лилипут“, о заместителе директора – „фокстерьер“, об администраторе – „человек с глазами конокрада“, о партнерше по сцене – „гремучая змея с колокольчиком“ <...>» [2, с. 159].

Продолжая анализ речевых оборотов, высказываний Фаины Георгиевны, обозначим такой троп, как **индивидуально-авторские неологизмы**. Созданы они, без сомнения, для придания речи комического эффекта, выразительности и точности передаваемой мысли:

«Хераст, ты – хам!»

Здесь, вместо употребления имени Эраст, актриса добавляет согласный «Х» в начале слова. Получившееся слово несет пренебрежительный и бранный характер.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что *языковая игра* является важной составляющей языковой личности актрисы, формирует «узואльно-стилевой комплекс» личности Ф.Г. Раневской. Тонко играя словами, великая актриса создает неповторимый образ, идиостиль в жизни и на сцене. Однажды Марина Неелова сказала о Раневской: «Она любила играть в эти игры (словесные) <...> Она играла, как играют дети: прекрасно, чисто, иногда наивно и всегда талантливо, но немного с подвохом».

Библиографический список

1. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–101.
2. Лосев Л.Ф. О Раневской. М.: Искусство, 1988. 191 с.
3. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. М., 1982. С. 168.
4. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 541 с.

ЦЕПОЧЕЧНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ НА СОСТАВ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

CHAIN ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A WAY TO STUDY THE INFLUENCE OF PERSONAL EXPERIENCE ON THE COMPOSITION OF THE ASSOCIATIVE FIELD

В.С. Горич

V.S. Gorich

Научный руководитель **И.В. Ревенко**
Scientific adviser **I.V. Revenko**

Ключевые слова: цепочечный ассоциативный эксперимент, языковая личность, детский лагерь, ядро, центр, периферия.

Аннотация. В статье рассматривается цепочечный ассоциативный эксперимент как средство изучения влияния опыта личности на состав ассоциативного поля на примере словосочетания «детский лагерь», раскрываются виды ассоциативных экспериментов.

Keywords: chain associative experiment, language personality, children's camp, core, center, periphery.

Abstract. The article considers the chain associative experiment as a means of studying the influence of personal experience on the composition of the associative field on the example of the phrase “children's camp”, and reveals the types of associative experiments.

Ассоциативный эксперимент является одним из эффективных способов фиксации языкового сознания. «Получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это фрагмент образа мира, отраженного в сознании „среднего“ носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов. <...> Ассоциации предлагают плодотворный и, возможно, самый лучший способ изучения языкового сознания как субъективной репрезентативной системы» [5, с. 50]. Ассоциативные реакции, которые повторяются разными испытуемыми на определенное слово-стимул, отражают «объективно существующие в сознании испытуемых и в языке связи между словами» [4, с. 575].

В психолингвистике разработано несколько основных вариантов проведения ассоциативного эксперимента.

1. Свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемым не дается никаких ограничений на словесные реакции.

2. Направленный ассоциативный эксперимент. Испытуемому предлагается называть только слова определенного грамматического или семантического класса.

3. Цепочечный ассоциативный эксперимент. Испытуемому предлагается реагировать на слово-стимул сразу несколькими словесными ассоциациями, например назвать в течение 20 секунд 10 различных слов или словосочетаний [3].

Цепочечный ассоциативный эксперимент предполагает создание семантического ряда слов посредством стимульного слова и вызванных им последовательных реакций, что позволяет создать актуальное семантическое поле для каждого отдельного респондента [1].

Цель эксперимента – выяснить, влияет ли жизненный опыт личности на состав ассоциативного поля.

Нами опрашивались три группы респондентов:

- 1) респонденты, не отдыхавшие в детском оздоровительном лагере (далее – ДОЛ);
- 2) респонденты, побывавшие в ДОЛ в качестве отдыхающего;
- 3) респонденты, побывавшие в ДОЛ в качестве вожака того.

На этапе обработки полученных данных основная задача состояла в определении самых частотных слов-реакций на стимульное словосочетание *детский лагерь*.

В эксперименте приняло участие 30 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет. Испытуемым было предложено следующее задание: приведите 5 реакций на заданное словосочетание в течение двадцати секунд.

Основными компонентами ассоциативного поля являются ядро и периферия, которые состоят из ассоциатов, соотнесенных иерархически, парадигматически и синтагматически. Ядро ассоциативного поля включает в себя значимые частотные ассоциации.

В результате эксперимента в первой группе респондентов ключевыми словами, составляющими ядро ассоциаций со словосочетанием *детский лагерь*, стали: лето – 8, дети – 7; центром: каникулы – 4, лес – 4, море – 4, дружба – 3, дискотека – 3, веселье – 3; периферией: танцы – 2, детство – 2, друзья – 2, завтрак – 2, дальняя поездка – 1, общение – 1, игры – 1, зной – 1, мороженое – 1, солнце – 1.

Во второй группе респондентов ключевым словом, составляющим ядро ассоциаций, стало: лето – 7; центром: веселье – 6, детство – 4, дискотека – 4, отдых – 3; периферией: солнце – 2, море – 2, общение – 2, новые зна-

комства - 2, лечение - 1, вожатые - 1, дети - 1, каникулы - 1, столовая - 1, каша - 1, зарядка - 1, раскраска - 1, воспитатель - 1, счастье - 1, конкурсы - 1, вкусная еда - 1, первая любовь - 1, игры - 1, сон-час - 1, лес - 1, спорт - 1, друзья - 1.

В третьей группе респондентов ключевыми словами, составляющими ядро ассоциаций со словосочетанием *детский лагерь*, стали: отряд - 5, планерка - 5; центром: игра - 4, костер - 3, дети - 3, мероприятие - 3, спорт - 3, танцы - 3, корпус - 3; периферией: зарядка - 2, свечка - 2, солнце - 2, распорядок - 2, друзья - 2, палатка - 1, дождь - 1, волейбол - 1, заезд - 1, лето - 1, прощание - 1, баскетбол - 1, повязка - 1.

Результаты показали, что ассоциации контрольных групп отличаются. Различны как центр ассоциаций, так и их количество в периферии. Из этого можно сделать вывод, что опыт личности влияет на состав ассоциативного поля.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / АН СССР. Отд. лит. и яз. М.: Наука, 1987. 264 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.; СПб., 2003. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.twirpx.com / file/211794/](http://www.twirpx.com/file/211794/)
4. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Унта, 1992. 575 с.
5. Уфимцева Е.И. Социальное пространство моно- и мультикультурной коммуникации. М.: Наука, 2007. С. 50-60.

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ «ПЕДАГОГ»
г. КРАСНОЯРСКА¹

VALUE ASPECT OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS
IN KRASNOYARSK PROFESSIONAL
GROUP OF TEACHERS

А.А. Курделяс, В.В. Ингул А.А. Kurdelyas, V.V. Ingul

Научный руководитель А.Д. Васильев
Scientific adviser A.D. Vasiliev

Ключевые слова: языковая картина мира, аксиология, профессиональная группа, психолингвистика, свободный ассоциативный эксперимент, социолингвистика, ценности.

Аннотация. Исследование посвящено анализу особенностей ценностной картины мира профессиональной группы «педагог», выявленных методом массового ассоциативного эксперимента среди учителей Красноярска и студентов педагогического университета. Проведенный эксперимент субъективного шкалирования и последующий анализ результатов анкетирования позволяют выявить основные аспекты в ценностной картине мира педагога, следовательно, обозначить точки влияния на подготовку педагогических кадров для общего образования.

Keywords: linguistic worldview, axiology, professional group, psycholinguistics, free association experiment, sociolinguistics, values.

Abstract. This research focuses on the feature analysis of the value-based worldview in the professional group "Teacher". They were identified by the method of mass association experiment among Krasnoyarsk teachers and pedagogical university students. The experiment of subjective scaling

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований, правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 20-412-242001/20 «Изучение ценностной картины мира профессиональной группы „педагог“ Красноярского края».

and the subsequent analysis of the survey results help to identify the main aspects in a teacher's value worldview and to identify the points of influence on teachers' training in general education.

Вопрос о взаимоотношении языка, мышления, культуры является одним из актуальных вопросов языкознания, поскольку язык есть средство отражения воззрений личности на мир, культуру, самого себя. Изучение языкового сознания позволяет акцентировать внимание на значении внутренних психологических состояний субъекта при использовании языка и речи. Ценностный аспект, в свою очередь, выступает детерминирующим фактором при образовании системы социальных норм, а смысл конкретных норм может быть понят только с опорой на доминантные ценности культуры. «Социальная норма понимается в качестве правила, регулирующего поведение человека в обществе» [1, с. 8]. Каждая профессия обладает системой ценностных предпочтений, которые задают цель, смысл и направление деятельности специалистам, работающим в той или иной сфере. Ценности определяют мотивацию деятельности и целеполагание личности и коллектива [2, с. 158–165].

Актуальность данного исследования заключается в том, что в условиях распространения в науке антропоцентрических подходов к трактовке явлений действительности одно из важных мест занимает моделирование картины мира, в особенности – картины мира профессиональной группы. Исследование нацелено на выявление профессиональной картины мира педагога Красноярска. Используемый метод субъективного шкалирования (семантического дифференциала) выявляет осознаваемый уровень профессионального сознания рассматриваемой группы.

Метод субъективного шкалирования (МСШ) является простым и прямым методом получения матрицы семан-

тического сходства. Перед испытуемыми ставится задача оценить сходство значений с помощью некоторой градуальной шкалы. Эта группа методик предназначена для более тонкой оценки состояния. Испытуемого просят соотнести свои ощущения с рядом признаков, формулировка каждого из которых максимально сжата. Предполагается, что человек способен оценить степень выраженности каждого стимула, соотнося интенсивность внутреннего переживания с заданной оценочной шкалой. В эксперименте МСШ приняли участие 50 учителей общеобразовательных школ Красноярска и студентов старших курсов КГПУ им. В.П. Астафьева. Испытуемым предлагался список из 54 стимулов, связанных со сферой «Образование». Задача респондентов заключалась в выражении своего отношения к этим словам с помощью качественных показателей пятизначной градуальной шкалы: *очень хорошо, хорошо, нейтрально, плохо, очень плохо*.

Мы выделили для анализа наиболее, на наш взгляд, показательные группы стимулов. Количественные показатели, полученные при анкетировании респондентов, выявили следующее.

1. В группе стимулов «педагогическая терминология» прослеживается существенная доля нейтральных и негативных реакций:

– стимул «стандарт педагога» получил 19 положительных, 26 нейтральных и 6 отрицательных ответов. Большинство испытуемых относятся к требованию стандарта педагога нейтрально, так как это официальный основополагающий документ, отклонение от которого тождественно нарушению закона;

– похожие реакции можно увидеть на примере стимула «ФГОС», на который получено 16 положительных, 26 нейтральных и 12 отрицательных ответов. Введение

федерального государственного образовательного стандарта является сложным долгосрочным процессом, вызывающим на начальных этапах недовольство педагогов. Нейтральная и негативная реакция на этот стимул говорит о том, что не все преподаватели привыкли к введению данной системы или вовсе не поддерживают ее;

– стимул «отчет» вызывает минимальное количество положительных реакций, только 10 из 50, остальные ответы разделились по 20 реакций: «нейтрально» и «плохо». Данная ситуация вполне объяснима, так как учителя стремятся к снижению бюрократической нагрузки, связанной с избыточной отчетностью. Чрезмерная работа с бумагами существенно снижает качество содержательной стороны образовательного процесса;

– итоговая государственная аттестация ОГЭ и ЕГЭ по сей день вызывает множество споров как среди педагогов, так и среди учащихся и их родителей. Ежегодно меняется одна из содержательных частей экзамена, варьируются требования и методические рекомендации, критерии оценивания. Это приводит к тому, что ученики и педагоги не успевают быстро адаптироваться к постоянно сменяющимся условиям. Стимул «ОГЭ» набрал всего лишь 2 реакции «хорошо», 2 – «очень хорошо», в то время как 36 ответов приходится на нейтральную оценку и 10 на негативную. На стимул «ЕГЭ» получено по 2 реакции «хорошо», «очень хорошо», 35 нейтральных и 11 негативных. Цифры свидетельствуют о том, что большая часть испытуемых адаптировалась к условиям ОГЭ и ЕГЭ, но примерно пятая часть не приемлет данные формы контроля.

2. Рассмотрим реакции в группе стимулов «средства обучения»:

– стимул «интерактивные методы обучения» получил одобрительные реакции: 44 положительных и 6 нейтральных;

- стимул «компьютер» в большей степени тоже был оценен положительно: 38 ответов «хорошо» и «очень хорошо», 12 нейтральных реакций;

- стимул «дистанционка» вызывает бурную эмоциональную реакцию: 24 негативных ответа, 20 нейтральных и всего лишь 6 положительных оценок.

Ситуация с пандемией, ограничившей возможности обучения в классе, активизировала интерактивные методы обучения, большинство испытуемых видят в них потенциал, но не настолько, чтобы принять полностью дистанционное обучение.

3. Стимул «инновационный» получил положительные реакции: 36 оценок «хорошо» и «очень хорошо», 14 «нейтрально»; стимул «креатив» – 47 «хорошо», «очень хорошо» и 3 «нейтрально».

4. В случае с реакциями на стимул «метод проектов» большинство респондентов дали оценку «нейтрально» – 22 человека, 10 негативных реакций.

Стимул «научная работа» – 24 «нейтрально» и 4 негативных отзыва. Можно предположить, что данные виды деятельности в общеобразовательных школах применяются, но испытуемые относятся к ним без особого пиетета.

Таким образом, данный эксперимент позволяет нам выстроить модель профессиональных ценностей рассматриваемой группы «Педагог». Метод субъективного шкалирования объективно отражает ценностную картину мира в данном сегменте. Точность нашего исследования определяется широким спектром критериев ассоциативных реакций: от позитивных до резко негативных. Интерпретация полученных результатов позволяет выявить: точки влияния на подготовку педагогических кадров для общего образования, профессиональные приоритеты современного учителя, требующие совершенствования стороны рабочего процесса.

Библиографический список

1. Бабаева Е.В. Категория социальной нормы в контексте гуманитарного знания: учебное пособие. Волжский, 2003. 104 с.
2. Васильева С.П. Деньги как ценность в языковом сознании русских Приенисейской Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 3. С. 158–165.
3. Васильева С.П., Васильев А.Д., Мамаева Т.В., Шибаетов М.В. Жизненные ценности студентов и преподавателей: лингвоаксиологическое исследование // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. № 3. С. 138–149. DOI:<http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-13> (ВАК).
4. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск. Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.

МОТИВ ВЫБОРА ИМЕНИ СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА 1999–2000 гг. РОЖДЕНИЯ

MOTIVES FOR FIRST NAME CHOICE AMONG
PHILOLOGY DEPARTMENT STUDENTS BORN
IN 1999/2000

А.В. Немкова

A.V. Nemkova

Научный руководитель **С.П. Васильева**
Scientific adviser **S.P. Vasilyeva**

Ключевые слова: антропоним, мотив номинации, студенты, социолингвистика.

Аннотация. Статья посвящена выявлению мотива выбора имени студентов филологического факультета 1999–2000 гг. рождения в социолингвистическом аспекте.

Keywords: anthroponym, motive for nomination, students, sociolinguistics.

Abstract. The article identifies the motives for choosing the first names among the Philology Department students born in 1999/2000 in the sociolinguistic aspect.

Собственные имена, или антропонимы, выполняют следующие функции: номинативно-адресная, оценочно-экспрессивная, креативная. Мотив выбора имени зависит от исторического периода и сопутствующих событий (дохристианский период, христианский, советский и современный).

Цель исследования состоит в описании и выявлении мотивов выбора имени студентов филологического факультета 1999–2000 гг. рождения в социолингвистическом аспекте.

Мотивами выбора имени могли послужить разные причины или события. А.В. Сулова и А.В. Суперанская в работе «О русских именах» выделяют следующие мотивы: 1) порядок появления детей в семье: *Первой, Старшой, Второй*; 2) время года: *Весняк, Ярец (рожденные весной), Постник (рожденный во время поста), Суббота*; 3) название мелких предметов в функции оберега: *Мочало, Ступа*; 4) негативное содержание в функции оберега: *Неудача, Кощей*; 5) отношение родителей к появлению младенца: *Любим, Ждан, Неждан*; 6) профессия родителей: *Воевода, Пушкарь, Кузнец*; 7) прозвище родителей: *Великие Лапти, Вареные Ноги*; 8) пожелательные имена: *Забава, Рада, Король, Царь*; 9) внешность младенца: *Чернуха, Беляй, Добрыня, Уголек*; 10) название рыб: *Окунь, Сом, Ерш*; 11) Название растений, животных: *Осока, Ягныш, Сорока, Жук, Пырей* [2].

Такая номинация характерна для дохристианского периода. Имена в этот период давались на основе связи имени с называемым объектом. Четкой регламентации именнаречения не существовало.

В дальнейшем в связи с развитием общества и сопутствующими событиями выбор имени подвергается определенному регламенту. Так, в христианский период человека нарекали христианским или календарным именем (Лукиан, Каиф, Давид, Павел). В советский период

(1917–1991) происходит смена идеологии, которая способствует появлению новых имен: Октябрина, Вилен, Гранит, Октябрь и др. [1].

Многие из них в дальнейшем исчезли или перешли в группу малоупотребительных. Популярность имен связана с субъективными и объективными факторами, личными предпочтениями родителей, к которым можно отнести: значение имени в языке-источнике, благозвучие, способности сочетаться с отчеством, в честь родных или известных личностей.

Общее количество проанализированных имен студентов филологического факультета (1999–2000 гг. рождения) составило 49 (юношей – 7, девушек – 42). Среди них выявлены следующие мотивы выбора имени:

1) назвали в честь родственника: *«Моего дядю звали Гали, если бы я родилась мальчиком, то назвали бы так, но родилась девочка, поэтому назвали Галиной»*; 2) нашли в православном календаре: *«По православному календарю, где была ближе дата»*; 3) *«просто понравилось»*: *«Маме нравилось это имя, и папа предложил так назвать»*; *«Мама услышала имя по телевизору, ей оно понравилось»*; 4) в честь известной личности: *«Папе нравилась телеведущая Ангелина Вовк»*; 5) по совету друзей / родственников: *«Дедушка так захотел. Он упорно стоял на своем, не давая никому права выбора»*; 6) потому что редкое: *«Красивое, редкое, греческое имя»*; 7) потому что популярное: *«Самое популярное имя 2000-х годов»*; 8) другие мотивы: *«По жребию вытянули бумажку с этим именем»*; *«потому что у других сестер имена начинались на «Ай-», назвали так, чтобы наши имена были похожи»*; *«нельзя образовать пренебрежительную форму типа Ленка, Светка и т.д.»*; 9) причина не известна.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что наиболее популярным мотивом номинации является мотив *«потому что понравилось имя»*; затем *«другие мотивы»*; далее *«причина не известна»*. Остальные же из пред-

ставленных мотивов оказались наименее популярными. Можно предположить, что к выбору имени с помощью церковного календаря прибегают верующие люди, для которых важна дань традиции и вере. Если современные родители желают, чтобы ребенок обладал определенными качествами, которые заложены в семантику имени или необычное имя, то могут обратиться к словарям личных русских имен и узнать значение женских и мужских имен.

Библиографический список

1. Васильева С.П. Имя собственное в языке и художественном тексте: учеб. пособие / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 221 с.
2. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1991. 220 с.

ЦЕННОСТНАЯ КАРТИНА МИРА ПЕДАГОГОВ МАЛОГО ГОРОДА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ¹

VALUE-BASED WORLDVIEW OF TEACHERS FROM A SMALL TOWN OF THE KRASNOYARSK KRAI

Е.В. Устьянцева

E.V. Ustyantseva

Ключевые слова: картина мира, осознаваемый уровень языкового сознания, слова-качества, педагог.

Аннотация. В статье представлены результаты социолингвистического исследования осознаваемого уровня языкового сознания педагогов г. Дивногорска Красноярского края, которые считают, что приоритетной задачей является умение выстраивать взаимоотношения с окружающими.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 20-412-242001/20 «Изучение ценностной картины мира профессиональной группы „педагог“ Красноярского края».

Keywords: *worldview, perceived level of linguistic consciousness, words related to quality, teacher.*

Abstract. The article presents the results of a sociolinguistic study of the perceived level of linguistic consciousness of teachers in Divnogorsk, Krasnoyarsk Territory, who believe that the priority task is the ability to build relationships with others.

Моделированию картины мира в современной науке, основанной на антропоцентризме, отводится одно из важных мест. В связи с этим лингвистами кафедры общего языкознания КГПУ им. В.П. Астафьева предпринята попытка создания модели картины мира профессиональной группы «Педагог», что позволит в дальнейшем в определенной степени решить проблему обеспечения квалифицированными кадрами общего образования в Красноярском крае. Одним из методов, позволяющих создать модель ценностной картины мира, является анкетирование, в ходе которого возможно выявить осознаваемый уровень языкового сознания носителей языка, в данном случае педагогов [1, с. 138].

В статье представлены результаты социолингвистического анкетирования, проводимого среди учителей образовательных учреждений г. Дивногорска Красноярского края. Педагогам предлагалось написать 10 качеств идеального учителя, распределив их по степени важности от 1 до 10. Количество участников эксперимента составило 68 человек в возрасте от 23 до 70 лет. Цель статьи – выявить наиболее важные для педагогов малого города Красноярского края категории, группы, представляющие собой совокупность определяющих понятий, свойств, качеств.

Всего было названо 176 неповторяющихся слов-качеств. Сгруппировав названные слова-качества по идеографическому принципу, мы выявили наиболее важные для информантов категории. Каждой группе было присвоено так называемое «условное число», которое является суммой

входящих в нее слов-качеств. Например, такие слова и словосочетания (а иногда и предложения), как: *способность видеть в каждом индивидуальность* – 1, *желание развиваться* – 2, *забота об учениках* – 1, *знание психологии ребенка* – 1, *знание своего предмета* – 7, *способность быть готовым к трудностям* – 1, *знающий* – 2, *интерес к жизни воспитанников* – 1, *квалифицированность* – 1, *компетентность* – 9, *конгруэнтность* – 1, *ладит с родителями и коллегами* – 1, *любовь к профессии* – 6, *мастер своего дела* – 2, *методически грамотный* – 1, *мотивированный* – 1, *нацелен на результат* – 1, *владеет ораторским искусством* – 1, *педагогическая эрудиция* – 1, *профессионализм* – 18, *соблюдение профессиональной этики* – 1, *уважающий ребенка* – 1, *увлеченность предметом* – 5, *умение учиться* – 2, *цифровая грамотность* – 2, – были объединены в группу «Профессиональные качества» с «условным числом» 70.

Таким образом, все названные педагогами слова-качества были распределены по следующим группам: «Взаимоотношения» (например, дружелюбный, милосердный, порядочный) – «условное число» 223, «Поведение» (адекватный, пунктуальный, уверенный в себе) – 142, «Качества личности» (веселый, смелый, оптимист) – 104, «Профессиональные качества» (профессионализм, квалифицированность) – 70, «Образ жизни» (активный, креативный, самоирония) – 42, «Интеллект» (грамотный, эрудированный, умный) – 35, «Способности» (авторитетность, работоспособность) – 13, «Физические качества» (красивый, здоровый) – 10 и «Социальная оценка личности» (благочестивый, современный) – 7. Не вошли ни в одну группу те слова, которые безоговорочно отнести к той или иной категории оказалось затруднительно, например «реакция», «трезвость мысли» и др.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что педагоги г. Дивногорска на первое место ставят умение выстраивать взаимоотношения с учетом поведенческих особенностей. При этом в качестве приоритетных

были названы такие свойства личности, как коммуникабельность (8 % от «условного числа» группы «Взаимоотношения»), честность и порядочность (6 %). По мнению педагогов, самой важной составляющей данной группы является любовь к детям (15 %). Главными поведенческими качествами являются терпение (20 % от «условного числа») и ответственность (18 %).

Вторую позицию по значимости для анкетированных занимают такие группы, как «Качества личности» и «Профессиональные качества». Любой человек, по мнению педагогов, должен быть в первую очередь добрым (28 % от «условного числа») и трудолюбивым (14 %), а первостепенная задача учителя – быть профессионалом (26 %), т.е. человеком, который занимается преподаванием как специалист.

Важной составляющей образа жизни педагога является активность (17 % от «условного числа»), а результатом умственного труда – образованность (28 %), которая достигается путем постоянного самосовершенствования (31 % от «условного числа» группы «Способности»).

Особую значимость педагоги придают своему внешнему виду, называя главным качеством опрятность (30 %). При этом важным критерием социальной оценки, на которую ориентируются респонденты, считается объективность (57 %).

Таким мы увидели педагога малого города Красноярского края, проанализировав выявленные путем анкетирования аксиологические особенности осознаваемого уровня языкового сознания респондентов.

Библиографический список

1. Васильева С.П., Васильев А.Д., Мамаева Т.В., Шибаев М.В. Жизненные ценности студентов и преподавателей: лингвоаксиологическое исследование // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. № 3 С. 138–149. DOI: <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-13>

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АНАЛИЗ ХЭШТЕГОВ НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРТНЫХ БЛОГОВ В СЕТИ «ИНСТАГРАМ»

ANALYSIS OF HASHTAGS ON THE MATERIAL OF EXPERT BLOGS ON THE INSTAGRAM SOCIAL NETWORK

Е.Н. Гордеева

E.N. Gordeeva

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Ключевые слова: хэштег, блог, эксперт, экспертный блог, «Инстаграм».

Аннотация. Целью данной статьи является анализ хэштегов, используемых в экспертных блогах. На основе проведенного исследования автор выделяет особенности функционирования хэштегов, используемых экспертами в личных и коллективных аккаунтах социальной сети «Инстаграм».

Keywords: hashtag, blog, expert, expert blog, Instagram.

Abstract. The purpose of this article is to analyze the hashtags used in expert blogs. Based on the study, the author highlights the features of the functioning of hashtags used by experts in personal and collective accounts of the Instagram social network.

Объект исследования, представленного в данной статье, относительно новое явление, получившее название *хэштег*. Данный термин происходит от английского слова *hashtag* и обозначает ключевое слово, словосочетание или фразу, перед которыми ставится специальный символ # [6].

Впервые хэштеги стали использоваться в интернет-сервисе обмена сообщениями IRC (Internet Relay Chat) для обозначения тем, обсуждаемых пользователями, однако с распространением социальных сетей функционал их увеличился.

Об актуальности исследования данного феномена свидетельствует их повсеместная распространенность. Появившийся в 2007 г. в социальной сети Twitter («Твиттер»), в течение нескольких лет хэштег завоевал пространство самых популярных сетей, включая Instagram («Инстаграм»), Facebook («Фэйсбук»), Tumbler («Тамблер»), Pinterest («Пинтерест») и др. [1]. Актуальность исследования обусловлена выбором текстовой базы – социальной сети «Инстаграм», которая к началу 2021 г., по данным исследований, проводимых компаниями «We Are Social» и «Hootsuite», вошла в топ-5 самых популярных социальных сетей. При помощи метода сплошной выборки для анализа отобраны экспертные блоги (личные и групповые), посвященные самым различным предметным областям: лингвистике, медицине, предпринимательству, психологии, карьерному росту, личной безопасности и др. Под экспертным блогом здесь понимается «страница в социальной сети, где публикуются заметки по определенной теме, основанные на собственных наблюдениях и опыте автора, который ведет этот блог» [2]. Коммуникативная роль эксперта популяризирована медиасообществом относительно недавно [3; 4]; в Интернете ее активное использование приводит к созданию объемного экспертного контента [3; 4], а также к развитию онлайн-консультаций.

Традиционно основная цель хэштегов заключалась в организации знаний, а также в возможности быстрого поиска и доступа к необходимой информации [8]. Однако, как показывает исследование, хэштеги в Instagram могут популяризировать устойчивые выражения, обращающиеся в разговорной речи, служить формой для передачи

субъективных мнений, состояний и чувств и описывать содержание изображений.

Хэштеги оформляются языковыми единицами разного уровня:

1) отдельными словами (лексический уровень): *#кондитер, #дети, #обучение;*

2) словосочетаниями и предложениями (синтаксический уровень): *#книгополилингвистике, #тугоухостьнеприговор, #какзаниматьсяребенком.*

Поскольку в хэштеге недопустимо использование пробела между словами, авторы практикуют слитное написание слов во фразе (*#удепрессиинетлица, #этобалаводство*) либо используют нижнее подчеркивание для более привычного восприятия смыслового отрезка (*#работа_студента_skillbox*). Еще одним способом оформления является использование прописных букв, начинающих каждое новое слово (*#ОтцовскийВзгляд_ДК*). Несмотря на затрудненность первичного восприятия, первый способ все же является наиболее предпочтительным. Исследователи связывают данный факт со стремлением авторов к единообразному написанию блока хэштегов [6].

Хэштеги могут располагаться как в тексте поста – основного сообщения, так и после него. Однако некоторые авторы, концентрируя первичное внимание читателей на информационном блоке, выносят их в отдельный комментарий. Особый интерес представляют хэштеги, интегрированные в текст сообщения, например (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

– Сразу скажу – данный пост #нереклама Я не буду вам переписывать инструкцию, а поделюсь своим мнением, расскажу на чем оно основано.

– А уж если что-то меня триггерило, то мои слёзы умножались на 100. Слезы – не выбор. А еще – #ДЕПРЕССИЯЭТОНЕВЫБОР

- По-моему мой #anyakuts_эксперимент потихоньку движется в нужном направлении.

Данный прием позволяет не только привлечь потенциальных читателей, но и маркировать значимую для автора информацию, обратив на нее особое внимание. Это, в свою очередь, экономит пространство и придает большую органичность тексту [7]. Таким образом, несмотря на видимую структурную автономность, хэштег может функционировать в качестве элемента высказывания (части предложения).

По своему функционалу хэштеги можно разделить на 4 группы:

- дублирующие - хэштеги, которые используются массово и зачастую дублируют информацию, которая содержится в посте (#пушкин, #тортыназаказ) либо «считывается» с изображения; могут быть высоко-, средне- и низкочастотными;

- вирусные - известные теги, используемые для популяризации аккаунта; в большинстве случаев они никак не связаны с тематикой поста (#liketime, #like4likes);

- брендовые - хэштеги, предназначенные для создания и продвижения конкретного бренда. Такие хэштеги характерны для коллективных блогов и аккаунтов онлайн-школ (#bonbon_school, #skillbox);

- уникальные - самая многочисленная группа хэштегов, которые авторы создают индивидуально. К этой группе можно отнести и хэштеги-рубрики, которые помогают ориентироваться в экспертном блоге для поиска нужной информации (Читаете мои посты #anyakuts_пищеварение, #anyakuts_кбжу, #anyakuts_тренировки).

Таким образом, в настоящий момент хэштег - важный элемент социальных сетей, выполняющий набор прагматических функций, связанных с организацией знания,

привлечением новых подписчиков, созданием личного бренда и др. Этот специфический, технологически обусловленный феномен сетевой коммуникации оказывает большое влияние на способы передачи, ретрансляции и обнаружения информации.

Библиографический список

1. Беловодская А.А. Об исследовательском потенциале изучения хэштега как медиадискурсивного феномена // Медиалингвистика. 2019. № 6 (1). С. 60–74. URL: <https://medialing.ru/ob-issledovatel'skom-potenciale-izucheniya-hehshtega-kak-mediadiskursivnogo-fenomena/> (дата обращения: 11.05.2021).
2. Гордеева Е.Н. Роли эксперта в сети «Инстаграм» // Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020. С. 35–39.
3. Осетрова Е.В. Коммуникативная роль эксперта в новейшем исполнении // Русский язык сегодня: сб. докладов / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Флинта: Наука, 2012. Вып. 5: Проблемы речевого общения. С. 337–347.
4. Осетрова Е.В. Роль эксперта в представлении медиа // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 18–21 марта 2014 г.): Труды и мат-лы [Электронный ресурс]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014 С. 706–707.
5. Речевой жанр отзыва в коммуникативной практике интернет-сообщества // Медиалингвистика: сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2014. Вып. 3: Речевые жанры в массмедиа. С. 200–204. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1398323709_119.pdf
6. Церюльник А.Ю. Использование хэштега в Инстаграм-блогах // Филологические науки. 2018. № 72. С. 110–115.

7. Шурина Ю.В. Хэштег как составляющая дискурсивной практики в сети Интернет // Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Международной научной конференции. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. С. 149-154.
8. Stamatios Giannoulakis, Nicolas Tsapatsoulis Evaluating the descriptive power of Instagramhashtags // Journal of Innovation in Digital Ecosystems. 2016. Vol. 3, No. 2. P. 114-129.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМА СОПРИЧАСТНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ «УЧИТЕЛЬ - УЧЕНИК»

USE OF THE MECHANISM OF INVOLVEMENT IN THE COMMUNICATIVE SITUATION “TEACHER - STUDENT”

В.В. Гузова

V.V. Guzova

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

***Ключевые слова:** коммуникативная ситуация, ученик, учитель, сопричастность.*

Аннотация. В статье показаны подходы к содержанию и использованию в учебном процессе понятия «сопричастность». Приведены примеры, демонстрирующие реализацию механизма сопричастности в коммуникативной ситуации «учитель – ученик». Данные могут быть использованы для формирования представления о механизме сопричастности в рамках речевого общения между учителем и учеником.

***Keywords:** communicative situation, student, teacher, involvement.*

Abstract. The article shows approaches to the content and use of the term “involvement” in the educational process. Illustrative examples demonstrate the mechanism of involvement in the communicative situation “teacher – student”. The data can be used to form representation of the mechanism of involvement in speech communication between teacher and student.

Сопричастность как один из механизмов коммуникации может выражаться прямо, например именными лексемами *близкий, друг*, а также глаголами со значением «каузации сопричастности», например *очаровать, привлечь, дружить* [3]. Однако чаще семантика личной сферы находится на периферии значения языковых единиц и выражается путем семантического переноса. С одной стороны, сопричастность в общении между учителем и учеником как «невидимая» связь уподобляется более явным связям [4]. С другой – сопричастность как отношение объединяет в целое субъектов сопричастности, что позволяет использовать наименование целого вместо одного из участников отношения либо, наоборот, наименование участника отношения вместо образуемого этим отношением целого.

Сопричастность в общении «учитель – ученик» может выражаться по-разному [1]. На уроках учитель использует выражения типа: *итак, записываем тему урока...; внимательно слушаем аудиозапись...; повторяем вместе со мной...; далее, обратимся к нашему учебнику и посмотрим...; Виталина, мы все ждем только тебя...; и пр.* В приведенных выше примерах можно выделить глаголы, которые демонстрируют причастность учителя к действиями учащихся через формы 1 лица, множественного числа настоящего и будущего времени. Данные глаголы в реальности либо гипотетически можно дополнить формой местоимения, обозначающего совместное действие говорящего и слушающих – *мы-сопричастным*. С семантических позиций здесь представлен псевдоинклюдзив, свидетельствующий, что действие, выполняемое только учениками, представлено как совместное действие учеников и учителя. Это, в свою очередь, доказывает то, что учитель испытывает сопричастность к ученикам в процессе их деятельности, описываемую как «*мы-учительское*» [2]; см. показательный пример: *так, мы же с вами умные, значит, контрольную решим на хорошие оценки!*

Еще одним способом выражения сопричастности являются реляционные существительные, которые указывают на того, с кем происходит взаимодействие. В данном случае они указывают на профессиональную общность (*коллега* и пр.) и эмоциональную близость к лицу, с которым коммуницируют (*друг, товарищ* и пр.). Одновременно эти существительные помогают выразить сопричастность, что отчетливо видно в следующих фрагментах: *ну что ж, товарищи, снова плохие оценки!..; итак, многоуважаемые друзья...; коллеги, ну что происходит? Почему так шумим?..; товарищи, а что, собственно, вам непонятно?; когда исправлять поведение начнем, дружочки-пирожочки?; друзья мои ненаглядные, как рада всех видеть снова!* В данных примерах эффект от реляционных существительных с семантикой сопричастности еще усиливается лексикой с положительной оценкой – существительными и прилагательными: *дружочки-пирожочки, друзья... ненаглядные.*

Для выражения сопричастности учитель, кроме того, использует формы посессивности. В частности, притяжательные местоимения позволяют учителю проявлять отношение к ученикам как близким, родным: *Вы ж мои хорошие!..; вы мои солнышки, правда, непослушные иногда...; я как ваша мама, помогаю вам в трудных ситуациях, поэтому не бойтесь обращаться...; вот если бы я была твоей мамой, я бы за такое поведение тебя давно бы уже наказала...; не зря же говорят, что школа – ваш второй дом, а классный руководитель – ваш родитель.*

Таким образом, механизм сопричастности реализуется в целом наборе морфологических форм: глагольных, именных, местоименных. Данный механизм используется педагогом для установления доверительных отношений с учащимися в рамках учебного процесса. В свою очередь, механизм сопричастности помогает раскрыться ученику как

полноценному субъекту учебной деятельности – включиться в образовательный процесс на уровнях социальной, эмоциональной и интеллектуальной активности.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры. 1995. Т. 1: Лексическая семантика. 472 с.
2. Ким И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: монография / Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2009. 325 с.
3. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1976. 239 с.
4. Спиридонова Н.Ф. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Труды Междунар. семинара «Диалог'97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям». М., 1997. С. 264–265.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НОВЕЙШИХ АНГЛИЦИЗМОВ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

FUNCTIONING OF THE LATEST ANGLICISMS IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

В.В. Ингул

V.V. Ingul

Научный руководитель **А.Д. Васильев**
Scientific adviser **A.D. Vasiliev**

Ключевые слова: англицизмы, агнонимы, политический дискурс, коммуникативные неудачи.

Аннотация. В статье предложен анализ примера заимствования на материале выступлений российских политиков. Проводится исследование целесообразности употребления и степени его осмысления аудиторией.

Keywords: *anglicisms, agnonyms, political discourse, communication failures.*

Abstract. The article offers an analysis of an example of a borrowing based on speeches of Russian politicians. The study considers the feasibility of the use of the borrowing and the degree of its understanding by the audience.

Большинство современных лексических заимствований в русской речи исходит из английского языка. Исследование англицизмов в выступлениях российских политиков актуально в связи со статусной значимостью адресантов и широким тиражированием их дискурса. Данные тексты призваны формировать общественное мнение. Лингвистическая категория заимствований определяется как процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (в первую очередь слово или полнозначная морфема); также сам такой иноязычный элемент [2]. На пути развития и формирования словарного запаса любой язык тесно взаимодействует с другими. В практике употребления живого языка на разных его уровнях постоянно возникают различные новации. В лексике – это неологизмы (сегодня прежде всего заимствования-англицизмы [1]). Большинство новейших иноязычных заимствований иногда вызывают массу вопросов по поводу их семантики: ведь многие из них еще не вошли в активный словарный состав русского языка. В связи с этим нередко возможен коммуникативный диссонанс между оратором и аудиторией, в качестве которой может выступать все население РФ.

Проблема адекватного восприятия значения слова на протяжении долгого времени интересует лингвистов. В конце XX столетия в науке появился термин *агноним*, напрямую связанный с проблемой понимания слов

отдельной языковой личностью. Агнонимы (от др.-греч. ἄ – не, γνῶσις – знание и ὄνομα, ὄνυμα – имя) – лексические и фразеологические единицы родного языка, неизвестные, малопонятные или непонятные многим его носителям» [3, с. 6].

Материалы нашего исследования содержат свыше ста агнонимов, и их количество регулярно пополняется. В конкретном эксперименте приняло участие сто человек из Сибирского федерального округа, Ленинградской и Московской областей. В качестве примера агнонимии рассмотрим англицизм *коворкинг*, который широко используется в текстах политических выступлений.

Коворкинг

Современный заимствованный термин *коворкинг* показал достаточно большой процент агнонимии. В младшем возрастном сегменте выявляется практически полное отсутствие каких-либо толкований по данному примеру. Встречаются ошибочные толкования: «встреча», «семинар».

В возрастной категории 25–40 лет почти отсутствуют правильные формулировки. Имеют место примеры с негативно-оценочным оттенком: «цех для офисных „негров“». Все последующие возрастные группы (40–50 лет, от 50 и выше) демонстрируют полное незнание данного термина, поскольку в большинстве случаев никогда с таковым не встречались.

Свободно владеющие английским, напротив, демонстрируют безошибочно точное понимание данного слова, снабжая его примерами: «В Оренбурге открылся коворкинг „Рабочая станция“». Там есть компьютеры, переговорки и столовая», «Петр Петрович работает в коворкинге, а хотел бы на скотобойне».

Коворкинг	
Упоминания в словарях	
1	<i>Универсальный англо-русский словарь</i> <i>Coworking – современное выражение: коворкинг (фрилансеры совместно арендуют помещение и реализуют совместные проекты)</i> <i>В инженерии: Coworking surfaces – взаимодействующие поверхности</i>
Примеры употребления в речи	
1	Форум «Интернет-предпринимательство в России» 10 июня 2014 года, Москва Источник: http://special.kremlin.ru/events/president/news/45886 К. Варламов: «Вообще в этом помещении мы постарались создать такую точку притяжения, потому что в зале, где мы были сейчас с выставкой, там у нас <i>коворкинг</i>. Это офис, временный офис, который может снять любой человек, любая команда, из любой точки страны приехать на несколько дней или на месяц и быть там, работать, встречаться с клиентами»
2	Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив 7 марта 2018 года, Самара Источник: http://kremlin.ru/events/president/news/57008 С. Чупшева: «У нас сегодня таких десять площадок, и этот формат очень востребован, и действительно регионы хотят, чтобы не только в столицах регионов, но и в муниципалитетах были такие <i>коворкинг-центры</i> – площадки, где могут люди, жители, эксперты, предлагать стратегию развития, предлагать новые проекты, где они могут общаться и выработать какие-то новые решения»
Данные анкетирования	
Никогда не слышали	55 %
Слышал ранее, без формулировки	19 %
Ошибочное значение	7 %
Правильная формулировка	19 %
Правильно установлена область значения	0 %
Общая степень агнонимии	81 %

Исходя из данного примера, очевидно, что новейшая заимствованная лексика далеко не всегда осмысливается говорящим и аудиторией, что порождает ряд коммуникативных неудач. В период растущей глобализации русскоязычное массовое сознание все больше сталкивается с малопонятными экзогенными словами. В то же время посредством информационных ресурсов распространение такого рода лексики имеет очень широкий и быстрый охват аудитории. При этом лексические заимствования становятся употребительными в сферах, где легко можно подобрать русский синоним, например *сотрудничество*. Мы имеем дело с феноменом отсутствия своевременной семантизации множества слов, ключевых для понимания речевых актов широчайшего распространения. Такие ситуации влекут за собой ряд коммуникативных диссонансов, а следовательно, обнаруживают (в том числе) и очевидную незаинтересованность адресанта в успешности общения с массовой аудиторией.

Список источников и словарей

1. Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив 07.03.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57008> (дата обращения: 13.04.2021).
2. Универсальный русско-английский словарь Академик.ру. 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://universal_ru_en.academic.ru/1289038 (дата обращения: 20.05.2021).
3. Универсальный русско-английский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.academic.ru/coworking%20surfaces/ru/xx/> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Форум «Интернет-предпринимательство в России» 10.07.2014. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/45886> (дата обращения: 13.04.20).

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Модное слово: инновация или реактуализация? // Сибирский филологический форум. 2020. № 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modnoe-slovo-innovatsiya-ili-reaktualizatsiya> (дата обращения: 13.04.2021).

2. Енбаева Л.В., Сажина О.Д. Англицизмы в публицистике // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2016. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-vpublitsistike> (дата обращения: 13.04.2021).
3. Морковкина А.В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 19 с.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР МЕМА В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

SPEECH GENRE OF MEME IN THE INTERNET ENVIRONMENT

А.А. Носкова

A.A. Noskova

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Ключевые слова: теория коммуникации, интернет-коммуникация, речевые жанры, интернет-среда, мем.

Аннотация. В работе дается обзор на существующие определения мема, рассматриваются различные точки зрения относительно этого нового понятия.

Keywords: communication theory, internet communication, speech genres, internet environment, meme.

Abstract. The article describes the existing definitions of the *meme*, considers different points of view about this new concept.

Интернет-мем – это по преимуществу остроумная и ироническая информация, которая, распространяясь в Интернете разнообразными способами (социальные сети, форумы, блоги, мессенджеры) и в разнообразных формах (фраза, концепция, медиаобъект, создаваемый электронными средствами коммуникации), спонтанно приобретает

популярность. Данным словосочетанием принято обозначать, кроме того: 1) сам процесс обращения информации такого рода, а также 2) ее носители – вербальные, визуальные и смешанные. Иначе говоря, это любые высказывания, звукоряды, рисунки, фотографии, видео, которые имеют некое значение, широко или локально распространяясь по интернет-сети. Понятие «интренет-мем» вошло в употребление в середине первого десятилетия XXI в. и имеет множество трактовок. В данном случае аналитическая задача состоит в поиске соответствующих определений и формировании теоретической базы для дальнейшего исследования.

Н.А. Зиновьева, одна из первых обратившихся к данной теме, считает, что интернет-мемы являются набирающим популярность интернет-феноменом, основанным на социальном знании, индивидуальном опыте и творческом воображении. По мнению автора, природа интернет-мемов многоаспектна: они отражают события действительности, информируя и провоцируя дискуссию; несут отпечаток переживаний создателей, делая их личный опыт достоянием общественности; транслируют мировоззрение авторов другим пользователям, играя роль в производстве и воспроизводстве культуры [1].

Изложенное мнение во многом схоже с представлениями Ю.В. Щуриной, которая, развивая «ценностную» характеристику мема, рассматривает его как явление массовой культуры и одновременно как механизм хранения и передачи культурной информации. Автор указывает на то, что в среде интернет-пользователей неконтролируемому, спонтанному распространению подвержена отнюдь не всякая информация, но лишь та, которая по какой-то причине затрагивает равнодушных пользователей, вызывая их интерес или порождая ассоциации [5]. Мемы отражают культурные стереотипы и явления современной

действительности, которые актуальны и интересны для интернет-пользователей.

На фоне уже рассмотренных точек зрения трактовка Е.Н. Лысенко заставляет обратить внимание преимущественно на коммуникативные и контекстные характеристики мема. Данный автор определяет мем как изменяющийся концепт, а его основными характеристиками считает информационную наполненность, устойчивую форму при неустойчивом значении, способность к быстрому распространению от человека к человеку, связь с определенной аудиторией, для которой он служит способом выражения эмоций. В конечном же счете в качестве основных коммуникативных функций мема определены выражение эмоций и комический эффект [4, с. 415].

В статье С.В. Канашиной интернет-мем классифицирован как медиатекст, в соответствии с чем на первый план выдвинута его сферная принадлежность к интернет-текстам. Выступая в качестве такового, интернет-мем демонстрирует уже известные свойства интертекстуальности, интерактивности, гибридности и шаблонности [3].

Представленные выше идеи о сущности, форме и функциях мема как будто обобщает А.В. Изгаршева. С одной стороны, интернет-мем является медиатекстом (единицей информации), циркулирующим в электронном пространстве, а потому обладающим свойствами интертекстуальности, креативности и интерактивности. Это конкретизирует его природу в терминах «речевого жанра» либо уникальной «коммуникативной единицы», описывающих динамическое существование мема в сети. С другой стороны, в лингвистическом аспекте он же характеризуется как полимодальный текст, реализующий различные целеустановки в различных формальных границах. Именно интернет-мем в традиционном его понимании имеет двухуровневую структуру: идея, выражен-

ная вербально, во множестве случаев соединяется с иконическим компонентом, включающим у адресата образное восприятие (рисунка, картинки, видеоряда и т.п.). Анализ в итоге приводит автора к выделению вирусности и ироничности как специфического сочетания характеристик, присущих этим информационным единицам социальных сетей [2, с. 99].

Таким образом, можно утверждать, что все перечисленные выше исследователи едины в своей оценке мема как некоего медиаобъекта, который является отражением культуры, обладает определенными, присущими только ему качествами (ироничность, интертекстуальность, интерактивность, вирусность, способность к быстрому распространению) и в состоянии транслировать эмоции своего создателя, делая их всеобщим достоянием. Все эти качества позволяют рассматривать интернет-мем и как самостоятельную единицу интернет-коммуникации и как узнаваемый тип оригинального речевого высказывания – речевой жанр.

Библиографический список

1. Зиновьева Н.А. Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 195–201.
2. Изгаршева А.В. Интернет-мем как медиатекст: лингвистический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2020. № 5. С. 86–101.
3. Канашина С.В. Интернет-мем как медиатекст [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-1-107-112> (дата обращения: 05.01.2021).
4. Лысенко Е.Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10, вып. 4. С. 410–424.
5. Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memu-problema-tipologii> (дата обращения: 27.10.2020).

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ
НЕКОРРЕКТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ
НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СМИ

REASONS AND CONSEQUENCES
OF INCORRECT USAGE OF CERTAIN
RUSSIAN CRIMINAL LAW TERMS IN THE MEDIA

Е.А. Прокофьева

E.A. Prokofieva

Научный руководитель А.Д. Васильев
Scientific supervisor A.D. Vasiliev

Ключевые слова: информация, журналист, клевета, преступник, приговор, суд, термин, ошибка.

Аннотация. В статье раскрываются вероятные причины некорректного употребления юридических терминов в СМИ и описываются последствия для журналистов, допустивших неточности.

Keywords: information, journalist, libel, criminal, sentence, court, term, mistake.

Abstract. The given article reveals possible reasons for incorrect usage of terms of Russian criminal law in the media and describes the consequences for journalists who inaccurately use them.

Стремительное развитие средств массовой информации приводит к широкому распространению «звучащего слова». В последнее время в эфире зачастую звучит спонтанная речь. В результате этого журналисты допускают не только орфоэпические и акцентологические, но и терминологические неточности. Импровизация и свободное изложение мыслей являются привлекательными для зрителей и читателей, но при этом речевая культура претерпевает изменения не всегда в лучшую сторону.

Несмотря на снижение популярности телевидения среди молодежи, этот вид получения информации оста-

ется одним из самых мощных средств воздействия и оказывает значительное влияние на поведение людей, изменяя характер их общения с внешним миром.

Массовая культура способствует такому восприятию слова, при котором главное не столько его значение, сколько эмоциональная окраска. Для привлечения публики и распространения новости, в конечном счете – для рекламодателей, журналисты нередко «нагнетают» обстановку, «раздувают» сенсацию. Телевизионные публицистические выступления характеризуются эмоциональностью, непосредственностью и общедоступностью. Эти качества зачастую приводят к неточному употреблению слов и выражений. Большая же часть телезрителей наивно ориентируются на то, что в эфире звучит нормативная речь [5].

Ошибки и недочеты в дискурсе средства массовой информации встречаются довольно часто. Порою неправильное употребление одного термина или слова могут привести журналиста на скамью подсудимых.

Какая наиболее характерная ошибка в терминах российского уголовного права существует в современных СМИ?

Классическая журналистская ошибка: преждевременное – до судебного решения – объявление человека *преступником*. Только приговор суда дает официальные основания вместо слов *подсудимый, подозреваемый, подследственный, обвиняемый* написать или произнести в эфире слово *преступник*. Обычно журналисты излишне торопятся назвать преступлением само происшествие, не вникая в то, что так можно квалифицировать далеко не всякий проступок. Термин *преступление* используется в уголовном праве, однако не применяется в гражданском и административном. Прилагаются немалые усилия следствия, дознания и суда, чтобы определить, есть ли событие и состав преступления, предусмотренные определенными статьями

Уголовного кодекса [1]. Согласно презумпции невиновности – основному принципу, гарантированному Конституцией РФ, «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (ст. 49. п. 1 Конституция РФ).

Очевидно, что не прессе даны полномочия выносить приговор. Ранее считалось, что, называя человека преступником до решения суда, журналист нарушает принцип презумпции невиновности и должен нести ответственность. Однако углубленное исследование этой проблемы, проведенное в Судебной палате по информационным спорам, привело к другому решению. Журналист не относится к категории лиц, имеющих полномочия ограничивать права и свободы граждан, в частности, в сравнении, например, с прокурором или офицером полиции. Из этого следует, что он не может юридическими средствами повлиять на право человека считаться виновным или невиновным – следствие и суд не зависят от его высказываний. Значит, он не посягает на презумпцию невиновности, а всего лишь публично высказывает суждение о персонаже своего материала [3].

Тем не менее, даже если подозреваемый действительно совершил преступление, но нет обвинительного заключения, а журналисты уже назвали его преступником, пострадавший гражданин может инициировать возбуждение дела о клевете или защите чести и достоинства, ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», где уточняется, что под не соответствующими действительности сведениями подразумеваются утверждения о фактах или событиях,

которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения [4].

Там определяется, что порочащими считаются сведения, содержащие утверждения:

1) о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства;

2) совершении нечестного поступка;

3) неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни;

4) недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности;

5) нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица [2].

В суде истец обязан доказать лишь сам факт распространения порочащих сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также их порочащий характер.

Кроме того, если пострадавшее лицо считает, что в распространенной информации есть признаки клеветы, то оно может обратиться в полицию с требованием возбудить уголовное дело по ст. 128.1 УК РФ, а если речь идет об оскорблении (ст. 5.61 КОАП РФ) – в прокуратуру.

К заявлению в суд с требованием опубликовать в СМИ опровержение или ответ на недостоверную или порочащую честь и достоинство информацию истцы могут также прибавить требование возместить причиненный моральный вред.

Суд, определяя размер компенсации, учитывает характер и содержание публикации, а также степень распространения недостоверных сведений. В этом случае важны тираж и аудитория издания. При этом подлежащая взысканию сумма компенсации морального вреда соизмеря-

ется причиненному вреду и не должна вести к ущемлению свободы средства массовой информации.

Средства массовой информации в немалой степени определяют нормы языка и общения, поэтому очень важно анализировать язык СМИ и стремиться оградить тексты журналистов от грубых ошибок.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2014.
2. Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 20.05.2021).
3. Наумов О.А. Авторитет правосудия: мелочей не бывает. URL: http://www.vkks.ru/ss_detale.php?id=25
4. Спросить юриста. URL: <https://www.9111.ru/questions> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Borisova S.P. On interaction of agencies of preliminary investigation and mass media.

ПРОЗВИЩА В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ

NICKNAMES IN MODERN SPEECH COMMUNICATION OF YOUNG PEOPLE

Е.А. Турпанова

Е.А. Turpanova

Научный руководитель **С.П. Васильева**
Scientific adviser **S.P. Vasilyeva**

Ключевые слова: прозвище, антропоним, ономастика, неофициальное именование человека, речевая коммуникация молодежи, способ номинации.

Аннотация. В статье рассматриваются прозвища, бытующие в социальных группах школьников и студентов. Представлены их классификация и основные способы образования.

Keywords: *nickname, anthroponym, onomastics, informal naming of a person, speech communication of youth, method of nominating.*

Abstract. The article examines the nicknames that exist in social groups of schoolchildren and students. Their classification and main ways of nomination are presented.

В настоящее время наблюдается значительная тенденция к широкому использованию различных прозвищ, особенно в социальных сетях. Согласно «Словарю русской ономастической терминологии», прозвище – это «вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или какой-либо аналогии» [1, с. 115].

Особо активное употребление прозвищ отмечается в молодежной среде – в социальных группах школьников и студентов, где прозвища могут выступать как основное средство номинации человека.

Посредством анкетирования было собрано 161 прозвище. Респонденты отмечали как собственные прозвища (если таковые имелись в школьный период жизни или имеются в настоящее время), так и прозвища своих друзей и знакомых, которые также бытовали в школьной или студенческой жизни.

Рассматривая школьные и студенческие прозвища, мы представили их классификацию с точки зрения семантического подхода [2, с. 11–12].

I. Прозвища, образованные от официальных идентификаторов человека: 1. Прозвища, образованные от фамилий (мужские) – 50 именований. Данным прозвищам присущи следующие способы образования: усечение основы исходной фамилии: *Боров* (от *Боровков*) и др.; усечение основы исходной фамилии с суффиксацией: *Голованчик* (от *Голованов*) и др.; усечение основы исходной

фамилии с изменением: *Талабан* (от *Тарабанов*) и др.; усечение основы фамилии с префиксацией и суффиксацией: *Подорожник* (от *Дорожкин*) и перенос ударения в фамилии: *ШилЕнок* (от фамилии *ШиленОк*). **2. Прозвища, образованные от фамилий (женские)** – 16 именовании. Способы образования прозвищ этой группы схожи с предыдущими: усечение основы исходной фамилии: *Ряба* (от *Рябчикова*) и др.; усечение основы исходной фамилии с суффиксацией: *Скворчик* (от *Скворцова*) и др.; слияние основ: *Которау* (от фамилий *Котов* и *Рау*). **3. Прозвища, образованные от личных имен (мужские)** – 14 именовании. Прозвища данной группы отличаются такими способами образования, как: усечение основы исходного имени (иногда нетрадиционное): *Кит* (от имени *Никита*) и др.; усечение основы с нетрадиционными изменениями в ней: *Саса* (от имени *Саша*) и др.; трансформация основы с образованием имени существительного, которое имеет ассоциативный характер: *Ромашка* (от *Роман*) и др.; использование иностранных эквивалентов имен: *Грегори* (от *Григорий*); представление полной / краткой формы другого имени вместо имени носителя: *Елисей* (имя носителя – *Алексей*). **4. Прозвища, образованные от личных имен (женские)** – 8 именовании. Характерны следующие способы образования: усечение основы с уменьшительной суффиксацией: *Польчик* (от *Полина*) и др.; трансформация основы с образованием имени существительного, имеющим ассоциативный характер: *Котик* (от *Екатерина*) и др.; созвучие: *Алина-чиполина* (имя носителя – *Алина*).

Было обнаружено именование, образованное посредством аббревиации: *КВН* (полное имя носителя – *Котенев Виктор Николаевич*). Мотивирующим признаком создания прозвища послужила ассоциация со словом *КВН* («Клуб веселых и находчивых»).

II. Прозвища, образованные по характеризующим признакам и ассоциациям: **1. Отражающие внешние данные носителя** – 33 именованя. В эту группу входят прозвища, отражающие: **особенности причесок:** *Кудрявый, Пушкин* (кудрявые волосы), *Русалка* (девочка с длинными волосами) и др.; **рост:** *Ляля, Длинный* и др.; **особенности телосложения:** *Толстый* (плотное телосложение) и др.; **особенности строения носа:** *Дятел, Клювик* и др. Практически все особенности внешности используются в качестве базы для образования прозвищ: *большие щеки (Хомяк), большие глаза (Лемур), невинный облик (Воробушек), смуглая кожа (Копченый)* и др.

2. Прозвища, отражающие поведенческие особенности и манеры – 13 именованя: *Вжик* (старается все везде успеть, делает все второпях) и др. Некоторые из них даны ассоциативно, например: *Таракан* (шустрый и быстрый мальчик) и др. **3. Отражающие черты характера человека** – 9 именованя: *Хитрый* (человек, который везде ищет выгоду) и др. Некоторые прозвища данной группы также даны ассоциативно, например: *Рыба* (человек со «скользким» характером) и др. **4. Отражающие увлечения и пристрастия носителя** – 6 именованя: *Топор* (мальчик, который отличался грубой манерой игры в футбол) и др. **5. Событийные прозвища** – 6 именованя: *Люк* (мальчик падал в канализационный люк) и др. **6. Отражающие национальность человека** – 2 идентификатора: *Импортный* (мальчик, родители которого наполовину русские, наполовину китайцы), *Бурят*. **7. Прозвище, отражающее возраст человека:** *Старый* (самый взрослый в футбольной команде). **8. Прозвище, отражающее болезненное состояние:** *Горшок* (мальчик страдал недержанием). **9. Прозвище, образованное на базе интернет-увлечений:** *Новак* (придуманную мальчиком фамилию для ведения интернет-блога стали использовать как прозвище).

Таким образом, прозвища как неофициальный идентификатор человека активно бытуют в неформальной речевой коммуникации молодежных групп школьников и студентов. В образовании представленных неофициальных антропонимов играют особую роль экономия языковых средств и различные ассоциации, что свойственно современной речевой коммуникации молодежи.

Библиографический список

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 187 с.
2. Родина Н.А. Современные детские и молодежные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 23 с.

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА

LANGUAGE REFLECTION OF NON-VERBAL COMMUNICATION IN THE INTERROGATION PROTOCOL

К.В. Шульгина

K.V. Shulgina

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Ключевые слова: протокол допроса, коммуникативное событие, оскорбление, невербальная коммуникация, ретрансляция.

Аннотация. Участники коммуникативного события оскорбления, выступающие в роли адресантов оскорбительных высказываний, активно используют в конфликтной ситуации средства невербальных кодовых систем. К таким средствам относятся положение тел комму-

никантов, уменьшение между ними расстояния до интимной дистанции, прямой взгляд агрессора в лицо или в глаза собеседника. В протоколе допроса как основе для реконструкции события оскорбления с помощью языковых средств отражены используемые невербальные коммуникативные средства.

Keywords: *interrogation protocol, communicative event, insult, non-verbal communication, relaying.*

Abstract. Participants in the communicative event of insult, acting as addressees of offensive statements, actively use means of non-verbal code systems in a conflict situation. These means include the position of the communicants' bodies, reducing the distance between them to intimate distance, gaze of the aggressor in the face or eyes of the interlocutor. Non-verbal communication means are reflected in the interrogation protocol as the basis for the reconstruction of the event of insult with the help of linguistic means.

Протоколируемые следователем показания допрашиваемых лиц являются ретрансляцией коммуникативного события с позиции наблюдателя либо непосредственного участника инвективного общения. Реконструкционные возможности протокола допроса позволяют наблюдать за коммуникативным, в том числе невербальным, поведением участников конфликтной ситуации, связанной с оскорблением. Анализ содержательной части протоколов допроса показал наличие трех знаковых особенностей невербального поведения «инвекторов» [1]. Так, при произнесении оскорбительных высказываний адресант чаще всего принимает положение напротив адресата, сокращая при этом дистанцию до уровня интимной [2], смотрит в лицо или глаза собеседника, манифестируя тем самым свое отношение к нему [4].

Узурпация нападающей стороной коммуникативного пространства ретранслируется допрашиваемыми с помощью языковых средств, обозначающих пространственное взаимное положение тел собеседников [3]: «Эти высказывания были направлены непосредственно в отношении

меня, т.к. в этот момент мы находились друг напротив друга и оскорбительные слова *** произносил, обращаясь непосредственно ко мне» (здесь и далее сочетанием символов «***» заменено присутствующее в протоколе допроса имя фигуранта уголовного дела); «При оскорблении и угрозе применения насилия в отношении ***, *** смотрел именно ему в глаза, было понятно, что данные высказывания были адресованы ***, так как они стояли друг напротив друга, между ними было расстояние около 20–30 см»; «Я снова попытался разъяснить данному гражданину, что должнице необходимо явиться в отдел судебных приставов и там разобраться без конфликтов во всем, на что *** публично при гражданских лицах обратился ко мне со словами <...> было понятно, что данные высказывания адресованы именно мне, мы стояли с ним рядом, напротив друг друга, между нами было расстояние около 30 см». Пропозиции приведенных высказываний в части проксемики представлены глаголами «стояли», «находились» в сочетании с наречием «рядом», с взаимно-возвратным местоимением «друг друга», где предлог «напротив» расположен в интер- и препозициях («напротив друг друга» «друг напротив друга»). В некоторых ситуациях ретранслятор конкретизирует дистанцию между участниками, измеряя ее на глаз в сантиметрах («между ними было расстояние около 20–30 см», «между нами было расстояние около 30 см»).

Визуальное поведение инвектора характеризуется порой прямым взглядом в глаза, «взглядом вызова» [3], или «пропозитивным манифестантом» [4, с. 99]. «Услышав данные высказывания ***, я вышел в коридор 4 этажа здания суда и, находясь между кабинетами № 4-33 и № 4-34, обратился к ***, спросив, что он сказал, на что *** ответил, смотря на меня <...>»; «Его высказывания носили личностный характер, так как он обращался именно ко мне, высказывал оскорбления, повернувшись в мою сторону,

смотря на меня, и при этом перед нецензурными высказываниями говорил «ТЫ!»»; «Из-за его некорректного поведения я предложил ему покинуть помещение Отдела ВКК, на что он ответил в грубой форме, глядя мне в глаза: «жаба обожранная, сидит тут и выгоняет участника боевых действий!»»; «Сразу после этого ^{***}, смотря на меня, в присутствии всех указанных лиц произнес в мой адрес нецензурные слова, оскорбляющие мою честь и достоинство <...>». Зрительный контакт представлен вербально с помощью полупредикативных единиц «смотря на меня», «глядя мне в глаза». Вероятно, в первом случае авторами высказываний посредством падежной формы местоимения «я» («на меня») описывается взгляд в лицо партнера по коммуникации. Второй тип взгляда, наиболее агрессивный, репрезентируется с помощью соматизма «в глаза».

Итак, знаки невербальных коммуникативных систем в совокупности с вербальным кодом – индикаторы отношения к партнеру по коммуникации. В ситуации оскорбления подавляемый конфронтационным взглядом адресат оказывается в «оккупированном» агрессором пространстве коммуникации.

Библиографический список

1. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 304 с.
2. Ефанова Л.Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 5–11.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
4. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения: монография / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск, 2012. 275 с.

ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ

МОТИВ СИРОТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА («ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН», КНИГА ПЕРВАЯ)

THE MOTIVE OF ORPHANHOOD IN THE WORKS OF V.P. ASTAFYEV (“THE LAST BOW”, BOOK ONE)

А.В. Гамзина

A.V. Gamzina

Научный руководитель **Н.В. Лебедева**
Scientific adviser **N.V. Lebedeva**

Ключевые слова: мотив сиротства, автобиографизм, внутренние переживания героя, родава Потылицыных, пейзажная аллегория.

Аннотация. Статья посвящена исследованию произведений В.П. Астафьева с точки зрения наличия в них мотива сиротства. На примере повести в рассказах «Последний поклон», книга первая, рассматривается, как автор реализует и воплощает данный мотив.

Keywords: motive of orphanhood, autobiography, hero's inner life, the Potylitsins, landscape allegory.

Abstract. The article studies of the works of V.P. Astafyev from the point of view of the presence of the motive of orphanhood in them. Using the example of the narrative in stories “The Last Bow”, Book 1, we consider how the author realizes and embodies this motive.

Проза В.П. Астафьева (1924–2001) является важным объектом научного исследования.

Астафьев принадлежал к тому поколению людей, которое пережило войну. Виктор Петрович встретился с этим всенародным бедствием в семнадцать лет. А война – это

кровь, боль и слезы, потеря близких. Потеря близких, родителей – это еще одна скорбная страница жизни – сиротство.

Цель нашего исследования – рассмотрение мотива сиротства в произведениях В.П. Астафьева.

Существует несколько определений категории мотива. Мы воспользуемся определением, которое дает Б.В. Томашевский: «Тема неразложимой части произведения называется мотивом. В сущности, каждое предложение обладает своим мотивом» [3, с. 182].

Повесть в рассказах «Последний поклон» (кн. 1) впервые была издана в 1968 г. в Перми. Рассказы, вошедшие в цикл, были написаны в период 1960–1968 гг. Количество рассказов 15 [2, с. 265].

В центре автобиографической повести «Последний поклон» – судьба рано оставшегося без матери мальчика, которого воспитывает бабушка.

Мотив сиротства является одним из доминирующих в повести. Так, исследовав первую книгу рассматриваемого произведения, мы обнаружили, что слова, имеющие корень «сирот» (сирота, сиротинушка, сиротский) встречаются в повести 15 раз – по числу рассказов в повести, что является весьма символичным.

Мотив сиротства в первой книге «Последнего поклона» начинает раскрываться практически с первых страниц. Так, в рассказе «Далекая и близкая сказка» главный герой тоскует о рано умерших сестрах и трагически погибшей матери: «...под бугром лежит моя мама, рядом с нею две сестренки, которых я даже не видел: они жили до меня, жили мало, – и мать ушла к ним, оставила меня одного на этом свете...» [1, с. 12].

Такой способ описания внутреннего переживания главного героя характерен не только для рассказа «Далекая и близкая сказка», но также и для других рассказов: «Деревья растут для всех», «Ангел-хранитель», «Осенние грусти и радости».

С переживаниями героя неразрывно связаны воспоминания о трагически погибшей матери. Ее образ возникает в ряде вышеупомянутых рассказов, а также в рассказах «Конь с розовой гривой» и «Бабушкин праздник».

Мотив сиротства опосредованно обозначен в рассказах о родственниках семьи Потылицины: бабушка и внук («Зорькина песня»), тетка Аппроня («Мальчик в белой рубашке»), двоюродный брат Алешка («Запах сена»). Автор говорит про своего брата Алешку: «Мы оба сироты» [1, с. 38].

Автор в повествовании органично использует описание пейзажа, в котором также возникает мотив сиротства. Например, в рассказе «Далекая и близкая сказка»: «...кто-то зашвырнул огрызок луны, и она, словно обкусанная половина яблока, никуда не катилась, бескорая, сиротская, зябко стекленела...» [1, с. 10]. Образ природы-сироты воплощен, например, в рассказе «Гуси в полынье».

И уже совсем аллегоричные приемы, как в рассказе «Дерева растут для всех», где упоминается одинокая птичка-мухоловка, потерявшая детей (их съела кошка), или в рассказе «Конь с розовой гривой» – в песне про обезьянку, привезенную моряком из далекой страны на чужбину.

Исследовав повесть В.П. Астафьева «Последний поклон», книга первая, мы определили, на каких уровнях воплощается мотив сиротства:

- на уровне лексики;
- на уровне внутренних переживаний главного героя;
- на уровне образов-воспоминаний о трагически погибшей матери Вити Потылицина;
- на уровне описания родовой Потылицины;
- на уровне пейзажных аллегорий.

Перспектива исследования – выявление мотива сиротства во второй и третьей книгах повести В.П. Астафьева «Последний поклон».

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Последний поклон: повесть в рассказах. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. Т. 4. 464 с.
2. Все произведения В.П. Астафьева. Первый период творчества (1951–1969): энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Г. Самогик (глав. ред.), Т.Н. Садыриной; КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2018. 427 с.
3. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2018. 336 с.

ЭМОТИВНЫЕ СМЫСЛЫ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА ИПОЛИТА ТЕРЕНТЬЕВА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

EMOTIVE MEANINGS IN THE STRUCTURE OF THE IMAGE OF IPPOLIT TERYTYEVAS A MEANS OF CREATING A PSYCHOLOGICAL PORTRAIT IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE IDIOT"

Ю.С. Колесникова

Yu.S. Kolesnikova

Научный руководитель **В.Н. Замыслова**
Scientific adviser **V.N. Zamysova**

Ключевые слова: *эмотивность, эмоциональная окрашенность, оценочность, эмотивные смыслы, психологический портрет.*

Аннотация. В статье рассматривается функционирование эмотивной лексики в художественной речи.

Keywords: *emotiveness, emotional coloring, evaluativeness, emotive meanings, psychological portrait.*

Abstract. This article examines the functioning of emotive vocabulary in the context of artistic speech.

Эмотивные смыслы как составляющую образа персонажа необходимо рассматривать в связи с понятиями, за счет которых они создаются.

В слове отражение эмоций может быть представлено такой категорией, как эмотивность. В.И. Шаховский под эмотивностью понимает «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [4, с. 24].

Психологический портрет героя автор создает с помощью эмоционально окрашенной лексики, которая складывается в эмотивные смыслы, имеющие определенную функциональную направленность.

Эмотивный смысл – языковой знак (компонент лексической семантики), предметом отображения которого являются эмоции человека [1, с. 18].

В структуре образа персонажа Л.Г. Бабенко выделяет **интерпретационно-характерологические** эмотивные смыслы, с помощью которых автор создает свой вариант эмоций человека. Они проявляются в речи рассказчика. Характеризуя Ипполита, Ф.М. Достоевский в первую очередь описывает его чахоточный вид. «Ипполит был очень молодой человек, <...> с умным, но постоянно **раздраженным** выражением лица, на котором **болезнь проложила ужасные следы**. Он был худ, как скелет, бледно-желт, глаза его **сверкали**, и два красные пятна **горели** на щеках» [3, с. 267].

Эмоционально-жестовые слова, выражающие в поведении и жестикуляции скрытую эмоциональную жизнь героя, составляют самую большую группу.

Отличительной чертой Ипполита является манера говорения. Ипполит визжит и взвизгивает. Эта характеристика может усиливаться лексическим повтором. «*Неожи-*

данно *визгливым* голосом *провизжал*» [3, с. 267]. «*Прокричал визгливым, надтреснутым* голосом *Ипполит*» [3, с. 268].

Характерной эмоциональной особенностью героя является усмешка, для описания которой используются слова, эмотивно окрашенные отрицательно: едкая, досадливая, ползучая, кривившаяся. «*Досадливо усмехнулся на свой неловкий вопрос*» [307]. «*Искривленной и ползучей усмешке на вздрагивавших губах*» [3, с. 310]. «*Самое высокомерное, самое презрительное и обидное отвлечение выразилось в его взгляде и улыбке*» [3, с. 432]. Местоименное прилагательное «самое» усиливает степень интенсивности прилагательных «высокомерное», «презрительное», характеризующих существительное «отвлечение».

Говоря о смехе героя, можно заметить, что доминирует лексема «истерически», «безумный», т.е. сумасшедший, умалишенный. «*Истерически смеялся Ипполит*» [3, с. 300]. «*Но это был уже смех безумного*» [3, с. 307].

Характерное эмоциональное состояние героя – волнение, замешательство, негодование и злоба. Интенсивность и характер проявляемых эмоций отражаются с помощью прилагательных «грустным», «бешеною», «бесконечною». «*С грустным негодованием произнес он вдруг*» [3, с. 308]. «*Ипполит быстро обернулся к нему с самую бешеною злобой*» [3, с. 311]. «*Во взгляде его мелькнула вдруг бесконечная ненависть*» [3, с. 401].

Эмоционально-оценочные смыслы заключаются в речи персонажей. Выделяются две разновидности высказываний: 1) эмотивно-оценочные рефлексивы и 2) эмотивно-оценочные регулятивы [2, с. 140].

Ипполит часто как бы просит разрешения высказаться. Хотя формально ему это и не требуется, но характеризует его как человека неуверенного. «*Имею честь просить вас ко мне на погребение, если только удостоите*

такой чести» [З, с. 307]. Здесь считаются раздражительность, саркастичность и желчная колкость Ипполита из-за пренебрежительного отношения к нему. Это передается за счет двойного повтора *имею честь* и *если только удостоите такой чести*, а также конструкции сложноподчиненного предложения с придаточным условия.

Ипполит называет себя «малодушный», усиливая характеристику прилагательным «подлое», нравственно принижая себя. «*Вы виноваты в подлом моем малодушии!*» [З, с. 311].

Самохарактеристика Ипполита имеет самообличительный характер. Он дает резкую оценку своим действиям, мыслям, указывает на слабости и недостатки.

В речи других персонажей превалирует отрицательная оценка. «*До какой степени это хитрая тварь; какой он сплетник*» [З, с. 489]. «*Манкированный самоубийца, разлившаяся желчь*» [З, с. 495]. Но присутствуют слова и положительной оценочности: «милый», «добрый», «мальчик». «*Ты добрый мальчик, тебя бог простит, по невежеству твоему*» [З, с. 309].

Таким образом, эмотивные смыслы раскрывают особенности характера Ипполита, выдают в нем личность амбициозную, желающую достигнуть многого, но загубленную болезнью, а потому озлобленную, едкую и саркастичную.

Изучение функционирования эмотивной лексики в художественной речи является особенно важным, поскольку художественная литература ставит своей главной задачей раскрытие внутреннего мира героя.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
3. Достоевский Ф.М. Идиот: роман. М.: АСТ, 2020. 640 с.
4. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Либроком, 2019. 206 с.

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
В НЕИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ
ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА
«ЛАВР»**

PROPER NAMES OF CHARACTERS
IN THE NON-HISTORICAL NOVEL "LAVR"
BY EVGENY VODOLAZKIN

Е.А. Комарова

Е.А. Komarova

Научный руководитель **С.П. Васильева**
Scientific adviser **S.P. Vasilyeva**

Ключевые слова: имена собственные, Водолазкин, Лавр.

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей функционирования имен собственных в романе Е. Водолазкина «Лавр» и их классификации.

Keywords: proper names, Vodolazkin, Lavr.

Abstract. The article deals with the study of the peculiarities of the proper names' functioning and their classification in the novel by E. Vodolazkin "Lavr".

Имена собственные, или поэтонимы, играют важную роль при создании образа персонажа. Мотив выбора автором того или иного имени не случаен. Каждое имя в тексте играет определенную роль, направлено на наиболее точное и полное отображение идеи писателя.

Цель данного исследования – выявление особенностей функционирования имен собственных персонажей в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр».

В общей сложности именной роман насчитывает 172 имени. Исходя из классификации С.И. Зинина, все имена можно разделить на следующие группы поэтонимов [2]: 1) исторические собственные имена для исторических лиц (*Христофор Колумб, Александр Македонский, Леонардо да Винчи, Эйнштейн и др.*); 2) «говорящие имена» (*Андрон Новгородец* – указание на происхождение и место жительства; *купец Негода* – от слова «негодный», т.е. неспособный (разорившийся купец) и др.); 3) Общеупотребительные имена и названия национальной ономастики для вымышленных автором художественных образов (*Арсений, Устина, Христофор, Сильвестр, Ксения, Анастасия и др.*).

Кроме того, в романе используются имена, относящиеся не только к русским онимам, но и взятые из других иностранных языков: итальянские (*Лаура, Амброджо Флеккиа и др.*), немецкие (*Зигфрид, Вильгельм, Фридрих, и т.д.*), польские (*Тадеуш, Ядвига, Владислав*), греческие (*Диоген, Аристид, Давид*) имена. Все они работают на создание культурного фона, в который включен читатель.

Стоит отметить, что автор использует имена, характерные для трех разных эпох: Античность (*Сократ, Антифот, Диоген, Аристид и др.*), Средневековье (*Никандр, Анфим, Феранонт, Иоан, Агафья и др.*) и современность, причем для этого периода автор намеренно использует модель «фамилия-имя-отчество» при назывании персонажей, показывая тем самым значительное отличие его от других временных пластов (*Матвеева Нина Васильевна, Романцова Вера Гавриловна, Юрий Александрович Строев и др.*). Смена этих эпох происходит в тексте совершенно незаметно. Постоянной сменой, или, можно сказать,

даже смешением этих эпох, автор высказывает важную для него философскую мысль об атемпоральности событий, описанных в романе. Эта идея тонкой нитью проходит через весь сюжет романа. *«Просто надо помнить, что во времени нуждается лишь материальный мир»* [1, с. 281].

Особый интерес представляет имя главного персонажа, которое меняется на протяжении всего романа. Главный герой имеет в общей сложности 4 имени (*Арсений, Устин, Амвросий, Лавр*) и 2 прозвища (*Рукинец, Врач*), данных ему другими людьми. Такой художественный прием помогает автору раскрыть сюжетные и смысловые перипетии романа. С помощью него автор отражает основные ступени духовного становления персонажа. Основное имя героя – Арсений – в переводе с греч. означает «мужественный» [3, с. 40]. В контексте романа эту семантику можно трактовать как мужество духовное, с которым герой встречает жизненные трудности. Кроме того, анализ динамики имени главного героя показал, как Водолазкин, наделяя героя именами, созвучными именам умерших персонажей, которые были ему особо близки (*Устина, Амброджо*), отобразил важную идею произведения о бессмертии человеческой души. Нося эти имена, герои будто продлевают их земную жизнь.

Символическую роль в романе играют также и поэтонимы, которыми названы второстепенные персонажи. Одни имена (*Христофор, Фома, Карп, Иннокентий*) позволяют выявить смысловые этапы, связанные с духовным становлением главного героя. На каждой новой ступени жизни рядом с Арсением оказывался человек, который помогал ему в движении дальше. Так, например, имя юродивого Карп в переводе с греч. означает «плод» [3, с. 128]. Как плод подразумевает под собой что-то спелое, достигшее пика своего развития, так и жизнь Арсе-

ния должна перейти на новый этап. *«Что же касается описаний трав, то для тебя я считаю, это уже пройденный этап»* [1, с. 245]. Другие имена (Устина, Амброджо, Гуго) направляют читателя на понимание глубоких смыслов самого романа. Например, имя монаха Гуго, которое в переводе с древневерхненемецкого означает «мысль, разум, дух, смысл», становится символом разума, который сопровождает Арсения в пути (*Das große Vornamenlexikon*, 2003, с. 170). Именно ему принадлежат слова, которые определяют смысл произведения – «*Deus conservat omnia*» («Бог хранит все»). Такие выводы позволяют сделать анализ внутренней формы имен собственных, а также вычленение тех коннотаций, которые закреплены за ними и сюжетно мотивированы.

Таким образом, имена собственные играют существенную роль при понимании текста произведения. Они помогают раскрыть глубинные смыслы, заложенные автором в романе. Значимость имен собственных в романе подтверждается и тем, что одно из именовании главного героя вынесено в заглавие, т.е. в сильную позицию текста, которая определяет его смысловые ориентиры. В имени персонажа и названии Лавр заключен философский смысл романа – приход к вечной жизни через борьбу с земными страстями.

Библиографический список

1. Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: Аст, 2019. 448 с.
2. Зинин С.И. Введение в поэтическую ономастику. URL: <http://imja.name/poehtonimy/poehtonimy.shtml> (дата обращения: 20.01.2021).
3. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»

PROPER NAMES
IN NOVEL "MASHENKA" BY V. NABOKOV

Я.А. Миронова

Y.A. Mironova

Научный руководитель С.П. Васильева
Scientific adviser S.P. Vasilyeva

Ключевые слова: имя собственное, система образов, поэтоним, мотив иллюзорности, авторская идея.

Аннотация. Статья посвящена классификации и анализу имен собственных в романе В. Набокова «Машенька». Целью работы является установление соотношения образа и значения имени, а также связи с авторской идеей.

Keywords: proper name, system of characters, poetry, motive of illusion, author's idea.

Abstract. The article is devoted to the classification and analysis of proper names in V. Nabokov's novel "Mashenka". The purpose of this work is to establish the relationship between the image and the meaning of the name, as well as the connection with the author's idea.

В пространстве художественного произведения имя персонажа играет очень важную роль. Это то средство, которое не только создает художественный образ, но и раскрывает сущность персонажа. Поэтому определение значения имени героя может помочь читателю понять авторскую идею в произведении.

Цель настоящего исследования – установить связь между образом и именем героя, выяснить, как это соотносится с авторской идеей.

Для достижения поставленной цели были выбраны из текста произведения имена собственные и определены их значения; также был проанализирован текст романа с точ-

ки зрения системы образов и определена связь авторской идеи с ролью каждого персонажа в тексте.

При подготовке данной статьи использовались работы по литературной ономастике С.П. Васильевой, С.И. Зинина, Г.Ю. Сызрановой.

Используя классификацию С.И. Зинина, можно распределить имена в романе следующим образом. Общеупотребительные имена: Лев Глебович Ганин, Алферов, Машенька. В другую группу войдут полуреальные имена, то есть поэтонимы, созданные автором с использованием формальных средств национальной ономастики: Потягин [1].

В ходе анализа представленных имен были получены следующие результаты.

Имя Машенька от Мария, по словарю А.В. Суперанской, имеет древнееврейское происхождение и переводится как «горькая», по другим толкованиям, «печальная», «отвергнутая» [5, с. 153].

Образ Машеньки является сюжетобразующим, связывает воедино все нити повествования. «Машенька» существует на «метауровне» – в заглавии – и заполняет вложенное повествование. Сама героиня лишь только упоминается в тексте, появляясь в воспоминаниях Ганина и в рассказах Алферова [2].

Фамилия Антона Сергеевича Потягина создана самим автором от глагола «потягивать». Инфинитив этого глагола «тянуть» обозначает медленно делать что-либо; затягивать осуществление, наступление чего-либо. Важен глагол, от которого образована фамилия несовершенного вида, то есть можно сказать, что семантика слова сочетается с его грамматическим значением [4].

Значение фамилии в данном случае напрямую соотносится с событиями, происходящими с героем. Потягин стремится получить паспорт, чтобы уехать к племяннице во Францию, однако он все никак не может закончить это дело

до конца. Процесс получения документов «тянется» все дольше и в итоге ни к чему не приводит. Получив паспорт, Потягин его теряет, так и не реализуя возможность уехать.

В тексте есть образы, противоречащие значению имени. Например, Алексей Иванович Алфёров. Имя Алексей от греческого «alexo» – защищать. Отчество героя образовано от имени Иван – «бог милует» [5, с. 115]. Фамилия Алфёров образована от крестильного имени и принадлежит к древнему типу русских фамилий, образованных от крестильных имен.

Можно сказать, что такое «очень русское имя» в некотором смысле противоречит позиции самого персонажа на счет России: *«А главное, – все тараторил Алфёров, – ведь с Россией – кончено. Смыли ее, как вот, знаете, если мокрой губкой мазнуть по черной доске, по нарисованной роже...»* [5, с. 32].

С именем главного героя Льва Глебовича Ганина связан мотив иллюзорности в романе. У него два паспорта – настоящий, русский, и подложный, польский, по которому он и живет, т.е. фамилия Ганин – не настоящая. Имя и отчество героя постоянно перевираются его антагонистом и «соперником» Алфёровым: с его оговорки («– Лев Глево... Лев Глебович? Ну и имя у вас, батенька, язык вывихнуть можно») и начинается роман; после этой ассимиляции используется метатеза («Глеб Львович»); а в конце пьяный Алфёров как бы нейтрализует имя и отчество («Леб Лебович»), то есть имя героя и его паспорт «нереальны» (при этом «нереальный», подложный паспорт предпочитается реальному), и вдобавок имя «не реализуется» (перевирается).

Таким образом, все поэтонимы по-разному представлены в тексте, то есть персонажи, у которых представлено только имя, других автор в основном называет только по фамилии, тем самым подчеркивая ее важность в характеристике персонажа. Стоит отметить, что большинство имен в романе соотносится с героями. Однако есть и такие,

значение которых контрастирует с поведением персонажа в тексте, что тоже помогает раскрытию образа. Поэтому можно сказать, что имена в романе В. Набокова «Машенька» помогают увидеть сущность и специфику каждого героя, способствуя тем самым и раскрытию основной мысли произведения.

Библиографический список

1. Зинин С.И. Поэтическая ономастика [Электронный ресурс]. URL: <http://imja.name/poehtonimy/poehtonimy.shtml> (дата обращения: 12.02.2021).
2. Левин Ю. Заметки о Машеньке В.В. Набокова [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/levin-zametki-o-mashenke.htm> (дата обращения: 10.03.21).
3. Набоков В. Машенька: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 192 с.
4. Ожегов. С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 16.03.2021).
5. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

PROPER NAMES IN THE LITERARY TEXT
"THE HEART OF A DOG" BY M.A. BULGAKOV

А.С. Монш

A.S. Monsh

Научный руководитель **С.П. Васильева**
Scientific adviser **S.P. Vasilyeva**

Ключевые слова: имена собственные, ономастика, Булгаков, «Собачье сердце», образ, сатира, семантика, символ, ономастика.

Аннотация. Статья посвящена анализу имен собственных в произведении М.А. Булгакова «Собачье сердце». В повести имена собственные играют особую роль в понимании характеристики героев. Автор выявляет семантику имен главных героев повести и делает акцент на символическом значении.

Keywords: *proper names, onomastics, Bulgakov, "The Heart of a Dog", image, satire, semantics, symbol, onomastics.*

Abstract. The article is devoted to the analysis of proper names in the work of M.A. Bulgakov "The Heart of a Dog". In the story, proper names play a special role in understanding the characteristics of the heroes. The author reveals the semantics of the names of the main characters of the story and focuses on the symbolic meaning.

В статье раскрывается ономастическая сторона произведения М.А. Булгакова «Собачье сердце» [1] и уделяется внимание влиянию имен собственных на содержание повести. Необходимо понимать, что имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа [8].

М. Булгаков в своих произведениях продолжал традиции Н.В. Гоголя, Д.И. Фонвизина и других, используя в текстах «говорящие» фамилии, которые несут в себе сатирическую направленность текстов.

Главный герой произведения – Филипп Филиппович Преображенский, все обращаются к нему с уважением, называя по имени-отчеству. Имя Филипп (*греч. Philippos*) – любящий лошадей, увлекающийся верховой ездой. По значению имени можно понять, что близость к животным у героя есть изначально. Героя назвали в честь отца, это указывает на мотив преемственности поколений, а также уси-

ливают значение имени, близость к братьям меньшим передалась с кровью отца. В повести о любви Преображенского к животным речи не идет, напротив, он проводит над ними опыты, хоть изначально был против насилия над животными. В произведении у профессора не было животных, а было чучело совы – очень важная деталь, которая говорит о насилии над животными, но в то же время сова – это символ мудрости Филиппа Филипповича.

«Свет заливал целую бездну предметов, из которых самым занятным оказалась громадная сова, сидящая на стене на суку».

Не возникает сомнений, что имя и фамилия профессора имеют сатирический подтекст и переносный смысл. Фамилия *Преображенский* образована от глагола преобразить. По толковому словарю С.И. Ожегова: *«преобразить – изменить образ, форму, вид чего-н., сделать иным, лучшим»* [5]. Фамилия главного героя несет сатирический подтекст, перед профессором стояла задача «облагородить» пса, превратить его в человека. Несмотря на успешность эксперимента со стороны науки, нельзя говорить, что эксперимент полностью удался.

Необходимо отметить, что фамилия *Преображенский* образована с помощью аффикса *-ск(ий)*. В XIX веке фамилии русского духовенства, часто образовывались от названий церковных праздников. Данная фамилия произошла от названия церковного праздника «Дня Преображения Господня и Спаса нашего Иисуса Христа». В произведении профессор Преображенский олицетворяет божественное начало. В его руках жизнь пса, за которую он несет ответственность.

«Приема сегодня не было потому, что, как известно, по вторникам приема не бывает, и божество сидело в кабинете...».

«Он надо мной. О, мой властитель! Глянь на меня. Я умираю».

«Дверь совершенно бесшумно распахнулась, и молодая красивая женщина в белом фартучке и кружевной наколке предстала перед псом и его господином».

Имена собственные имеют формальную и содержательную стороны. С одной стороны, они выделяют предмет из класса аналогичных предметов и заключают в себе указание на этот класс. Например, кличка Шарик принадлежит определенной собаке, но из-за популярности клички имя собственное становится нарицательным (слово, называющее предмет или явление по его принадлежности к определенной категории). Поэтому слово Шарик может указывать просто на собаку. С другой – носители языка могут присваивать человеческие имена собакам или любым другим объектам и предметам.

Фамилия Шариков – от клички собаки Шарик. Такая кличка выбрана автором не случайно. Кличка стала именем нарицательным, так называют дворняг, непородистых собак. Кличка проста, ее несложно произносить. Слово «шарик» обозначает форму, которую можно наполнить чем угодно. В принципе то же самое происходит с героем: Швондер, председатель домкома, «наполняет» его идеями «нового времени», соответствующими мировосприятию, которое досталось генетически от Клима Чугункина. Шариком его назвала проходящая мимо барышня, пес считает кличку неподходящей. В этом также есть сатира, он соотносит себя и свое состояние с кличкой. Этим можно объяснить скандальность Шарикова, это заложено изначально.

«Какой он к черту Шарик? Шарик – это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей, а он лохматый, долговязый и рванный, шляйка поджарая, бездомный пес».

Полиграф Полиграфович Шариков – это результат опыта, проведенного Преображенским и его учеником. Шарик-

ков сам выбрал себе имя *Полиграф*. Такого имени не было в русском именослове. Выбор совершенно нового имени указывает на то, что герой отрекается от старого мира и имеет недостаточный культурный уровень.

Полиграф – это детектор лжи, машина, определяющая, лжет человек или говорит правду. Сатирический подтекст есть и здесь. Если у персонажа такое имя, он должен говорить правду, но все происходит наоборот: Шариков обманывает свою невесту, доводит ее до слез, начинает общаться со Швондером, для которого истины не существует.

Если фамилии Преображенский и Шариков были «говорящими», то с фамилией Швондер дело обстоит иначе. Этот персонаж самый уникальный с точки зрения ономопэтики. Этому герою «не досталось» имени и отчества. Фамилия не похожа на русскую, можно подумать, что автор называет персонажа неблагозвучной фамилией, чтобы показать свое негативное отношение к человеку «нового времени». М.А. Булгаков составил фамилию этого героя из трех слов, которые образуют две комбинации: *шворку надо держать; шворку надо дергать*. Из начальных слогов этих двух комбинаций составляется одно слово: *Шво-н-дер*. Поэтому фамилия имеет два значения: *человек, которого держат на поводке; человек, который дергает кого-то за поводок* [7, с. 24].

Женские имена собственные в повести не могут остаться в стороне. Кухарка *Дарья Петровна* обладает довольно старым и распространенным именем. Фамилии у нее нет, что указывает на социальное положение героини (фамилии отсутствовали у крестьян).

К *Зине*, помощнице профессора, обращаются только по имени, но это не значит, что ее не уважают. С именем девушки не употребляют отчество, потому что она еще молода. У этого имени в тексте есть еще одна вариация. Шариков называет медсестру *Зинкой*. Суффикс *-ка* указы-

вает на пренебрежение к человеку. Шариков таким способом пытается самоутвердиться. Фамилии Зины – Бунина и невесты Шарикова – Васнецова дают надежду, что культура неокончательно потеряна.

В повести «Собачье сердце» сатира проявляется на многих уровнях и не обходит стороной имена собственные героев произведения. М.А. Булгаков тщательно подходил к выбору имен и кличек своих персонажей. Наделяя персонажей именами собственными, автор использовал «говорящие» фамилии, закладывая качества характера героев, значение имен связывал с характеристикой персонажей, удваивал значение имени и отчества главных действующих лиц. С ономастической стороны видно, как имена персонажей влияют на идейное содержание произведения.

Библиографический список

1. Булгаков. М.А. Собачье сердце. М.: АСТ, 2019. 322 с.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
3. Коньшева Н.Ю. Ономастика в повестях М. Булгакова «Собачье Сердце» и «Роковые яйца» // Уральский филологический вестник. Сер.: Драфт: молодая наука. 2015. № 5. С. 174–181.
4. Новикова Ю.В. Лингвопрагматические аспекты передачи имени собственного при переводе художественного текста (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце») // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 124–127.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1952.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
7. Филатьев Э.Н. Тайна булгаковского «Мастера...». СПб.: Азбука, 2011. 559 с.
8. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. Л., 1990.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЛИРИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ
В ПОЭМЕ И. БРОДСКОГО
«ГОРБУНОВ И ГОРЧАКОВ»

SPEECH PORTRAIT OF LYRICAL HEROES
IN THE POEM "GORBUNOV AND GORCHAKOV"
BY I. BRODSKY

М.А. Окунева

M.A. Okuneva

Научный руководитель А.Б. Сильвестрова
Scientific adviser A.B. Silvestrova

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, лирический герой, Горбунов, Горчаков.

Аннотация. В статье исследуются речевое поведение героев-двойников, их языковое влияние друг на друга с точки зрения особенностей изучения речевого портрета.

Keywords: speech portrait, language personality, lyrical hero, Gorbunov, Gorchakov.

Abstract. The article examines the speech behavior of the heroes-doubles, their linguistic influence on each other from the point of view of the peculiarities of studying the speech portrait.

В рамках теории языковой личности Ю.Н. Караулов формулирует следующее положение: «За каждым текстом стоит языковая личность» [2; 3]. Особенности каждого уровня языковой личности составляют речевой портрет, исследование которого предполагает более широкие возможности для интерпретации образа, в особенности литературного героя.

В языкознании понятие речевого портрета закрепились относительно недавно. К этому вопросу обращались многие языковеды, такие как С.В. Леорда, М.В. Панов, Г.Г. Матвеева и другие.

Язык, являясь человеческим феноменом, в основе имеет социальную обусловленность. Речевой портрет, в свою очередь, можно охарактеризовать как воплощенную в речи языковую личность [4, с 6]. Лингвистическая интерпретация определяет речевой портрет как «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего».

Поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков» написана в жанре стихотворного диалога, композиционная структура поэмы состоит из прямой речи буквально: это диалоги и монологи, «незакавыченный» авторский голос отсутствует полностью. Прямая речь героев в тексте представлена без адресанта, то есть без обозначения говорящего: понять, кому принадлежит то или иное высказывание – Горбунову или Горчакову, достаточно трудно. Понимание становится возможным только при глубоком погружении в контекст поэмы.

Речевое поведение обоих лирических героев, их похожие друг на друга, а также противоречащие речевые интенции составляют центральную философскую антиномию, лежащую в основе мировоззренческого конфликта Горбунова и Горчакова.

С точки зрения особенностей лексического уровня языка ключевой и часто повторяющейся лексемой в речи Горбунова становится слово «лисички». На вопрос Горчакова «Ну, что тебе приснилось, Горбунов?» Горбунов отвечает: «Да, собственно, лисички» [1, с. 195]. Горбунову свойственно развитие сложных логических построений, философских параллелей. Доказательство этому отражается в ответе Горбунова на вопрос Горчакова: «Лисички не безвредны, и, по мне, / они враги душевному здоровью. / Ты ценишь их?» [4, с. 200]. Горбунов отвечает, развивая абстрактную ассоциативную связь: «С любовью наравне». Но Горчакова такой

ответ не устраивает, он спрашивает: «А что ты понимаешь под любовью?» Горбунов продолжает развивать семантическую параллель «лисичек»: «Разлуку с одиночеством», «Возможность склониться к изголовью / и к жизни прикоснуться в тишине / дыханием, руками или бровью...» [1, с. 200].

Речь Горбунова поэтически окрашена абстрактной лексикой: жизнь, самообман, тишина, любовь, разлука, одиночество, «сопротивление суесловью» [1, с. 200], грех, «стрелы всех страданий жизни» [1, с. 201], грядущее, оптимизм, «(о Страшном суде) движенье вспять, в воспоминанья» [1, с. 201], боль, «дерево гордыни» [1, с. 201], «душа не ощущает тесноты» [1, с. 201], трагедия, молчание, противоречие, «отчаянье» [1, с. 205], «рыданья» [1, с. 206], удушье, время, горе, муки и т.д. Все эти лексеммы по праву могут входить в одну лексико-семантическую тематическую группу. Эстетическая функция употребления абстрактно отвлеченных понятий заключается в речевой экспрессии и несет четко определяющие черты картины мира лирического героя, составляющие основу амбивалентной природы Горбунова – его «раздвоенности».

Если речь Горбунова поэтически окрашена абстрактной лексикой, то в речи Горчакова преобладают конкретные существительные: (о своем сне) «Концерты, лес смычков. / Проспекты, переулки. Просто лица. / (Сны состоят как будто из клочков.) / Нева, мосты. А иногда – страница, / и я ее читаю без очков! / (Их отбирает перед сном сестрица.)» [1, с. 195], снегири, чердак, старик, мальчишка, стаканы, кусты, пижама без карманов, аллея и сугроб, телескоп, шлепанцы, яблоко, бутылка, халат, пол и потолок, окна, «за окнами – решетки переплет» [1, с. 223], форточка.

Помимо этого, в речи Горчакова вопросительные конструкции преобладают больше, чем в речи Горбунова. Зачастую его вопросы носят риторически осложненную интенцию и обращенность исключительно к Горбунову: «Зачем

хрипит Бабанов у окна? / Зачем Мицкевич вертится под носом? / На что же нам фантазия дана? / И вот воображеньем, как насосом, / я втягиваю старость в царство сна» [1, с. 196]; «Мне говорили: каждый – раб привычки. / Ты ничего не спутал, Горбунов?» [1, с. 197]; «А Фрейд не врет?» [1, с. 197]; «Так, значит, ты один из рыбаков, / которые способны бесконечно / взирать на положение поплавков, / не правда ли?» [1, с. 198]; «А в сумерках конструкции крючков / прикидывать за ужином беспечно?» [1, с. 197].

Задавая вопросы Горбунову, Горчаков формирует в собственной речи вопросно-ответные единства, пытаясь привлечь внимание собеседника: «А что снаружи?», «А что земля?», «Ну, что внизу?» [1, с. 199]; (о лисичках Горбунова) «Ты ценишь их?», «А что ты понимаешь под любовью?», «На что ты там уставился в окне?», «Ну, что твои лисички-невелички?», «И, стало быть, во сне, когда темно, / ты гредишь о лисичках?», «Вернее, о любви?» [1, с. 200], «А Страшный Суд?» [1, с. 201], «Ты, значит, не боишься темноты?» [1, с. 202], «Скажи, / что есть любовь?» [1, с. 240].

Горбунов и Горчаков оказывают взаимное языковое влияние на речевое поведение друг друга. Их имплицитное взаимодействие выражается в языковых явлениях, обеспечивающих достижение определенных коммуникативных целей. Герои поэмы предстают как герои-двойники, им свойственны речевые повторения друг за другом, они меняются местами и ведут себя соответственно выбранной позиции – Горбунов становится как будто бы Горчаковым, и наоборот.

Речевой портрет Горбунова характеризуется сложными логическими построениями, философскими параллелями, развитием абстрактных ассоциативных связей. Особенности речевого портрета Горчакова являются описание эмоционально окрашенных конкретных картин («образы»), частые восклицания и вопросительные конструкции, обращенные к Горбунову и носящие порой риторическую семантику.

Библиографический список

1. Бродский И.А. Поэма «Горбунов и Горчаков» // Остановка в пустыне: стихотворения. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2016. 272 с.
2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. Язык и личность. М., 1989 [Электронный ресурс]. URL: http://www.destructionen.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (дата обращения: 31.03.2021).
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 774 с.
4. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003311100.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

ЗНАЧЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

MEANING OF PROPER NAMES IN THE NOVEL "THE HERO OF OUR TIME" BY M.Y. LERMONTOV

Л.А. Покусина

L.A. Pokusina

Научный руководитель **С.П. Васильева**
Scientific adviser **S.P. Vasilyeva**

Ключевые слова: имя собственное, поэтоним, семантика.

Аннотация. Для того чтобы осуществить творческий замысел, писатели используют различные лексические, стилистические и сюжетно-композиционные приемы. Имена собственные играют значительную роль в раскрытии авторской идеи, поскольку имя – это первое, что узнает читатель о персонаже.

Цель статьи – выявить семантические особенности имен собственных в контексте художественного произведения. В статье использован метод структурно-семантического анализа. В результате работы определено значение имен основных героев романа.

Keywords: *proper name, poetonym, semantics.*

Abstract. In order to implement a creative idea, writers use various lexical, stylistic and plot-compositional techniques. Proper names play a significant role in revealing the author's idea, since the name is the first thing the reader learns about the character.

The purpose of this article is to identify the semantic features of proper names in the context of a work of art. The article uses the method of structural and semantic analysis. As a result of the work, the meaning of the names of the main characters of the novel was determined.

Номинация – одна из основных функций слова. Называя предметы именами, мы не только различаем их между собой, но и характеризуем. Имя собственное – «слово, служащее индивидуальным обозначением лиц и животных, географических и астрономических объектов, учреждений, органов и т.п.» [1].

Изучением имен собственных занимается особый раздел языкознания – ономастика. Что касается имен собственных в контексте художественных произведений, то для них выделяют отдельную научную дисциплину, которая называется поэтической, или литературной, ономастикой. Имя в произведении, понятое как характеризующее слово и определенный символ, имеет особое значение, которое может отличаться от значения общеязыкового.

Рассмотрим значение имен в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Для анализа были отобраны имена главных и второстепенных героев романа: Григорий, Бэла, Максим, Мери, Вера. Следует отметить, что в данном фрагменте не учитывалось значение их фамилий.

Григорий Александрович Печорин – главный герой романа. Это единственный персонаж, который имеет имя, фамилию и отчество, что подчеркивает важность этого образа и особую авторскую симпатию. Его имя имеет греческие корни и образовано от слова $\rho\eta\gamma\omicron\rho\epsilon\omega$ («грегорео») – «бодрствую». Григорий переводится как «бодрствующий», «бдительный», «осторожный» [3]. Семантика

имени вносит важные акценты в анализе этого героя. Слово «бодрый» имеет значение «полный физических и душевных сил». Это значение вступает в конфликт с личностью героя. Печорин – деятельный человек, очень умный и рассудительный, но его поступки не приносят какого-то ощутимого результата, поэтому он разочарован. Он говорит о себе: «Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли» [2, с. 90].

Максим Максимыч, обращаясь к нему и рассказывая историю, использует форму «Григорий Александрович»:

1. «Его звали... Григорием Александровичем Печориным. Славный был малый, смею вас уверить».

2. «Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо» [2, с. 12, 21].

В этом раскрывается отношение Максим Максимыча к Печорину: он уважает и симпатизирует ему. Следует отметить, что эта форма обращения употребляется только в главах «Бэла» и «Максим Максимыч», а далее либо заменяется на фамилию Печорин, либо упоминание имени отсутствует вовсе, поскольку Григорий Александрович пишет сам о себе.

Бэла (Белла) – черкесская девушка и возлюбленная Печорина. В переводе с латинского «*bella*» – красивая. Имя Бэлы полностью соответствует ее образу. Неоднократно Печорин и Максим Максимыч отмечают приятную наружность черкесской девушки:

1. «Устоит ли азиатская красавица против такой батареи» (Печорин).

2. «И точно, она была хороша» (Максим Максимыч) [2, с. 23, 14].

Максим Максимыч – отставной штабс-капитан. Его имя происходит от латинского «*maksimus*» – самый большой; величайший. Семантическая значимость имени

этого героя проявляется не в богатстве или титуле, а в его характере и поступках. Максим Максимыч – простой человек с большим добрым сердцем. Он привязан к Печорину, всячески поддерживает его и относится как к сыну.

Имя **Мери** – англизированный вариант древнееврейского имени Мария (Мариам), которое означает «горькая», «ожесточенная». Есть еще одно значение этого имени – «любимая», «желанная» [Петровский, 1984]. В романе Лермонтова используется значение «любимая», «желанная». Эта юная девушка была возлюбленной Печорина, одной из тех, кому уготована лишь роль увлечения на водах. Молодая княжна не сумела понять страдающего героя, отчего мучилась сама и болела. Отсюда и некая «горечь» в имени, о которой говорилось ранее.

Имя **Вера** заимствовано из старославянского языка, где появилось как калька с греческого «*Distis*» – вера. Ассоциации, связанные с семантикой имени, вполне оправданы текстом. Для Печорина эта женщина была единственной, кто понял и принял его натуру. Потерять Веру для Григория Александровича означало потерять смысл жизни: *«при возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете дороже жизни, чести, счастья!»* [2, с. 123].

Таким образом, имена собственные в романе «Герой нашего времени» имеют важное значение и выполняют характеризующую функцию: они передают детали внешности, характера героев и даже особенности их взаимоотношений.

Библиографический список

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
2. Лермонтов М.Ю. Проза. Избранное / сост., послесл. и коммент. В.И. Гусева. М.: Советская Россия, 1979. 352 с.
3. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: более 3 000 имен. Изд. 6-е, стер. М.: Русские словари: Астрель, 2000. 477 с.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА
«АВИАТОР»

SYNTACTICAL MEANS OF EXPRESSION
IN THE NOVEL "AVIATOR" BY E.G. VODOLAZKIN

Д.В. Савина

D.V. Savina

Научный руководитель **В.Н. Замыслова**
Scientific adviser **V.N. Zamyslova**

Ключевые слова: образительно-выразительные средства, выразительный потенциал синтаксиса, роман «Авиатор», Е.Г. Водолазкин.

Аннотация. В статье приводятся результаты анализа текста романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор» на предмет использования автором синтаксических средств выразительности и предлагается их интерпретация.

Keywords: pictorial and expressive means, expressive potential of syntax, the novel "Aviator", E.G. Vodolazkin.

Abstract. The article presents the results of the analysis of the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin in terms of the use of syntactical means of expression and their interpretation.

Традиционно исследования ученых связаны с изучением особенностей художественного текста, анализом его категорий и свойств. На протяжении многолетнего существования филологической науки внимание ученых было сосредоточено на исследовании особенностей художественного текста, анализе его категорий и свойств. При интерпретации и стилистическом анализе художественного текста, который представляет собой, по определению Л.Г. Бабенко, сложный языковой знак, следует учитывать разноуровневые единицы языка [1]. В свою очередь, языковой единице свойственна экспрессивность, которая обе-

спечивает ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию.

Роман «Авиатор», изданный в 2016 году, повествует об Иннокентии Платонове, который приходит в себя на больничной койке и не помнит ничего о своем прошлом.

Большой интерес вызывают изобразительно-выразительные средства, использованные автором на синтаксическом уровне. В тексте романа Водолазкин использует синтаксические средства так же часто, как лексические. Наиболее употребимым средством является парцелляция. С одной стороны, это легко объяснить сюжетом романа, он написан в форме дневника. Для этого жанра характерен отрывистый способ выражения мыслей, поскольку дневник – это личные размышления персонажа. В то же время, если говорить именно об «Авиаторе», парцелляция в нем используется по разным причинам.

На первых страницах романа отрывистость размышлений объясняется тем, что Платонов только пришел в себя, в связи с чем не может излагать мысли полно. Рассмотрим примеры: «Моя голова. Кружится. Лежу на кровати» [2, с. 14]; «Вчера еще не было времени. А сегодня – понедельник. Дело было так. Гейгер принес карандаш и толстую тетрадь. Ушел. Вернулся с подставкой для письма» [2, с. 14]; «Сегодня познакомился с сестрой Валентиной. Стройна. Немного словна» [2, с. 15]; «Несколько дней пролежал не поднимаясь. Слабость невероятная. Не было сил писать» [2, с. 48]. Подобные примеры встречаются исключительно в начале романа, а с изменением состояния Платонова условия, в которых используется парцелляция, также меняются.

В дальнейшем мы можем встретить парцелляцию в моменты всплесков положительных или отрицательных эмоций. Например, часто парцелляция используется в моменты воспоминаний об Анастасии: «Анастасия смотрела на меня

с любопытством. Дышала ртом. Отложила свою книгу» [2, с. 85]; «Обычно днем, когда в квартире никого не было. Лежали обнявшись. Иногда – не касаясь друг друга. Разговаривали. Молчали» [2, с. 96]; «Анастасия. Лежит с закрытыми глазами. С полуоткрытым ртом. Тяжело дышит» [2, с. 172]; «Мы сидели на стульях слева от Анастасии. Я взял ее за руку и легонько сжал. Анастасия открыла глаза. И закрыла. Ее рука осталась в моей» [2, с. 181].

Интерес вызывают также средства выразительности, которые Водолазкин применяет редко, лишь в особенных случаях. Очевидно, что это сделано осознанно, чтобы усилить эмоции от конкретных эпизодов жизни Платонова. Градация использована им единожды за весь роман. Этот прием используется в самом жутком эпизоде: *«В ту лагерную ночь, когда все ушли, она пришла ко мне. Приковыляла. Приползла» [2, с. 256].* В этой сцене Платонов вспоминает ужасный эпизод, случившийся в Соловках. Несколько представителей ГПУ изнасиловали девушку, Иннокентий лежал в больничной палате и не мог ничего сделать. После этого девушка пришла к нему в палату, и градация в данном случае максимизирует ужас и безысходность произошедшей ситуации.

Обобщенно-личные предложения используются в тексте дважды в схожих ситуациях. Такие формы Платонов использует для описания самых теплых воспоминаний детства. Это позволяет выстроить связь с читателем, вызвать эмоцию и чувство ностальгии: *«Проснешься, бывало, на даче рано утром – все спят еще. Чтобы никого не будить, выйдешь на цыпочках на веранду. Ступаешь осторожно, а половицы все равно скрипят» [2, с. 163]; «Проснешься случайно за полночь – первая мысль о елке. Пробираешься к ней в ночной рубашке. Почти на ощупь идешь, то есть на звук скорее – чуть слышный стеклянный перезвон на сквозняке. Босые ноги на паркете стынут. Добравшись до елки, начинаешь их отогревать» [2, с. 377].* К первому эпизоду Платонов возвращается, находясь в Соловках. Второе всплывает в его памяти ближе

к концу, когда он ожидает собственной смерти. При этом читатель становится частью этих воспоминаний.

Помимо перечисленных приемов, автор использует антитезу, синтаксический параллелизм, именные темы, назывные предложения, риторические вопросы, неполные предложения. В целом Водолазкин активно обращается к выразительному потенциалу синтаксиса, что делает роман «Авиатор» целостным и образным произведением.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта, 2006. 496 с.
2. Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 410 с.

СБОРНИК ЛИРИЧЕСКИХ МИНИАТЮР «ЗАТЕСИ» В.П. АСТАФЬЕВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИССЛЕДОВАНИЙ

COLLECTION OF LYRIC MINIATURES "ZATESY"
BY V.P. ASTAFYEV
THROUGH THE PRISM OF RESEARCH

А.Е. Уфимцев

A.E. Ufimtzev

Научный руководитель **Н.Н. Бебриш**
Scientific advisor **N.N. Bebrish**

Ключевые слова: В.П. Астафьев, «Затеси», лирические миниатюры, языковое сознание, цветообозначения.

Аннотация. В статье приведен краткий обзор научной литературы, посвященной анализу сборника лирических миниатюр «Затеси» В.П. Астафьева. В качестве возможного поля исследования индивидуально-авторского языкового сознания В.П. Астафьева предложено колоративное пространство «Затесей».

Keywords: *V.P. Astafyev, "Zatesi", lyrical miniatures, linguistic consciousness, color designations.*

Abstract. The article provides a brief overview of the scientific literature devoted to the analysis of the collection of lyrical miniatures "Zatesi" by V.P. Astafyev. As a possible field of study of the individual V.P. Astafyev's linguistic consciousness the colorative space "Zatesei" was proposed.

В.П. Астафьев писал «Затеси» на протяжении всей жизни. Н.А. Мазурова указывает, что именно «Затеси» стали своеобразным подведением итогов всего творческого пути Виктора Петровича [4, с. 1250]. Как отмечает В.Ю. Баймиева, с момента выхода в тираж первых «Затесей» в 1972 году В.П. Астафьев непрерывно правил их, пополняя «Тетради» новыми миниатюрами, перемещая отдельные миниатюры из цикла в цикл и добавлял новые «Тетради» [2, с. 11]. В 2003 году вышло наиболее полное издание «Затесей», включившее 10 циклов-«тетрадей» [1]. Н.П. Хрящева указывает, что среди исследователей творчества В.П. Астафьева нет единого мнения о логике художественного построения «Затесей», однако в настоящее время различными учеными ведутся работы по изучению принципа отбора миниатюр в «Тетради» [9, с. 137–138].

Н.П. Хрящева отмечает богатство жанрового разнообразия миниатюр, объясняя это значимостью «Затесей» для самого автора и отражением его душевных переживаний и ментальных поисков в «малютках-произведениях» [9, с. 137].

Как рассуждает В.Ю. Баймиева, отдельная миниатюра может рассматриваться как часть сборника миниатюр и в то же время изучаться обособленно от сборника как самостоятельное и логически завершённое произведение. Рассматриваемая отдельно миниатюра воссоздает лишь какой-то один фрагмент индивидуально-авторской картины мира, тогда как цикл дает возможность увидеть ав-

торское видение мира во всей его целостности и многообразии благодаря связям внутри цикла – композиции, сюжету, образной системе, хронологии [2, с. 11].

Являясь сборником миниатюр, объединенных в циклы-«тетради», «Затеси» всесторонне изучаются астафьевдами: изучаются и обособленные миниатюры – по отдельности [5; 7] и в совокупности [6; 9] – и отдельные циклы [8], и сами «Затеси», как в целостности [3], так и по какому-либо определенному критерию [4; 10]. И это далеко не полный список всех исследований сборника лирических миниатюр «Затесей» В.П. Астафьева. Одно только перечисление возможных формальных различий в изучении миниатюр В.П. Астафьева впечатляет.

«Затеси» исследуются разносторонне и с содержательной точки зрения: выявляются и описываются различные образы – образ России [10], образ дома [4], и сопоставляются концепты *любовь* и *боль* [8]; изучаются жанры видений [6] и миниатюры [3]; анализируется лирический сюжет [5; 7; 9].

Анализ литературы показал, что при всем разнообразии исследований «Затесей» остается недостаточно изученным колоративное пространство данного сборника лирических миниатюр. Проводимое исследование посвящено изучению индивидуально-авторского языкового сознания В.П. Астафьева на примере анализа цветообозначений сборника миниатюр «Затеси».

Вслед за В.Ю. Баймиевой, говорящей о перспективности жанра миниатюры, можно утверждать идею о перспективности исследования миниатюр, и в том числе исследования индивидуально-авторского языкового сознания на примере изучения мира цветообозначений [2, с. 11].

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Затеси // РГ-«Вся Сибирь». Красноярск: Красноярское книжное издательство, 2003.

2. Баймиева В.Ю. Жанр миниатюры в русской литературе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3 (63).
3. Геймбух Е.Ю. Пути к собеседнику («Затеси» В. Астафьева) // Русский язык в школе. 2009. № 3. С. 62–67.
4. Мазурова Н.А., Бахор Т.А., Зырянова О.Н. Образ-мотив дома в книге В.П. Астафьева «Затеси» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1250.
5. Стадниченко В.А., Хрящева Н.П. «Затеси» В.П. Астафьева: лирико-философские миниатюры в системе малых форм «первой тетради» // Филологический класс. 2017. № 2 (48). С. 100–103. DOI: 10.26710/fk17-02-16
6. Стадниченко В.А. Поэтика видений в «Затесях» В.П. Астафьева // Уральский филологический вестник. Сер.: Драфт: молодая наука. 2018. № 5. С. 91–101.
7. Стадниченко В.А., Хрящева Н.П. Семантика параболической структуры в миниатюре В. Астафьева «и прахом своим» («Затеси. Тетрадь первая») // Филологический класс. 2017. № 4 (50). С. 130–134. DOI: 10.26710/fk17-04-20
8. Тюкова И.Н. Концептуальная пара «любовь» – «боль» в лирических миниатюрах «Затеси» В.П. Астафьева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (96). С. 64–67.
9. Хрящева Н.П. Способы трансляции природного сознания в «Затесях» В. Астафьева (на примере анализа лирических миниатюр «Хлебозары», «Сильный колос») // Филологический класс. 2018. № 4 (54).
10. Шопенская Н.И. Образ России в миниатюрах В.П. Астафьева «Затеси». IX класс // Литература в школе. 2015. № 7. С. 30–32.

РУССКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ

ОБРАЗОВАНИЕ ВИДОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

FORMATION OF TENSE-ASPECT FORMS OF SPEECH VERBS IN RUSSIAN AND CHINESE

Ли Шиюй

Li Shiyu

Научный руководитель **И.В. Ревенко**
Scientific adviser **I.V. Revenko**

Ключевые слова: глаголы речи, совершенный вид, несовершенный вид, видовременные формы, совершенное время, несовершенное время.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образования видовременных форм глаголов речи в русском и китайском языках. Основное отличие заключается в том, что в китайском языке семантика вида и времени выражается только при помощи суффиксов, присоединяемых к основному глаголу, тогда как в русском языке вид выражается не только при помощи суффиксов и приставок, но и самим глаголом.

Keywords: verbs of speech, perfective aspect, imperfective aspect, tense-aspect forms, perfect tense, imperfect tense.

Abstract. The article deals with special features of the formation of the tense-aspect forms of speech verbs in the Russian and Chinese languages. The main difference is that in Chinese, the semantics of the aspect and tense is expressed only by means of suffixes attached to the main verb; whereas in Russian, the aspect is expressed not only by means of suffixes and prefixes, but also by the verb itself.

Глаголы речи – один семантических классов, который представлен в разных языках. В русском языке «под глаголами речи... понимаются глаголы, в план содержа-

ния которых входит сема... 'говорить'» [1, с. 362]. В лингвистической литературе на китайском языке исследователи используют термины: глаголы речи 言语动词; глаголы речевого акта 言语行为动词; глаголы речевого действия 言语行动; глаголы речевой деятельности 言语活动动词.

Особенностью русского глагола является наличие такого признака, как совершенный (СВ) и несовершенный вид (НСВ). В русском языке категория вида является обязательной. Продуктивными для русского языка являются такие процессы видообразования, как перфективация (образование глаголов СВ от НСВ) и имперфективация (образование глаголов НСВ от СВ). В результате указанных процессов могут возникать глаголы с новой семантикой, видовые корреляты. Следует отметить, что вид в русском языке выражается не только при помощи морфем (приставок и суффиксов), но и самим глаголом (*брать-взять, говорить-сказать*).

Хотя в китайском языке категория вида есть, выражается она совсем не так, как в русском, и видовые значения, контексты употребления СВ и НСВ часто не совпадают: говорю – 我说; говорить – 说话; поговорил – 商谈了; разговаривал – 闲谈了. В китайском языке вид выражается только комбинацией основного глагола со служебными суффиксами. В китайском языке имеют место различные суффиксы, которые позволяют образовать: глагол прошедшего завершённого времени (действие, протекавшее в прошлом и завершившееся к настоящему моменту); глагол прошедшего неопределённого времени (действие, происходившее в неопределённое время в прошлом); глагол длительного времени (действие, протекающее в момент речи). Например, суффикс 了 позволяет сформировать действие, протекавшее в прошлом и завершившееся к настоящему моменту.

«Видовременные формы в китайском языке по своей семантике не вполне совпадают с русскими, так, глаголы НСВ без видовременных суффиксов могут обозначать обычное, повторяющееся действие, действие, которое совершалось в прошлом и не имеет связи с настоящим, или действие, которое произойдет в будущем и из этих значений только первое полностью соотносится с русским несовершенным видом» [2].

В китайском языке не бывает форм несовершенного времени глагола в следующих аспектах: 1) отсутствие намерения совершать действие (с отрицанием): «Я не буду говорить»; 2) побуждение к началу действия: «Прошу вас сказать». Эти значения не укладываются в традиционную схему аспектуальной семантики китайского языка. Это нюансы употребления видовых форм в русском языке, интуитивно понятные русскоговорящим, но крайне сложные для иностранцев. Кроме того, эти значения в китайском языке с видовременными формами никак не связаны. Именно поэтому в предложениях, содержащих формы несовершенного времени с этим значением, китайские студенты допускают наибольшее количество ошибок.

Ученые отмечают, что «особенно непрозрачными признаются глагольные варианты совершенного и несовершенного видов прошедшего времени» (Петрова, Дехнич, Сунь Дамань, 2019). Китайский язык не требует никаких временных показателей, и время события часто передается через использование временных наречий (например, *вчера, в прошлое воскресенье*).

Наблюдения и исследования специалистов позволили утверждать, что значение и глаголов НСВ и глаголов СВ русского языка выражается в китайском языке посредством одной и той же конструкции, состоящей из основного глагола, глагола, показывающего направление данного дей-

ствия и служебного слова 过 (для несовершенного времени) или служебного слова 了 (для совершенного времени).

Библиографический список

1. Ермолаева И.А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 3. С. 362–375.
2. Омельченко О.А. Изучаем грамматику китайского языка. М.: Восточная книга, 2007. 320 с.

РАБОТА СО ЗВУЧАЩИМ ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

USE OF AUDIO TEXTS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

С.М. Скакунова

S.M. Skakunova

**Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific supervisor I.V. Revenko**

***Ключевые слова:** аудирование, коммуникативная компетенция, речевая деятельность, аутентичный звучащий текст.*

Аннотация. В статье говорится об эффективности использования звучащего текста при обучении студентов первого сертификационного уровня для отработки речевых навыков на занятиях РКИ. Автор статьи описывает необходимость использования аудиоматериалов для формирования коммуникативной компетенции. Информация, изложенная в данной публикации, предназначена для практического применения в работе на занятиях РКИ и может быть адаптирована в зависимости от возраста и национальности обучающихся.

***Keywords:** listening, communicative competence, speech activity, authentic audio text.*

Abstract. The article focuses on the effectiveness of the use of audio texts for speech skills development when teaching Russian as a Foreign Language to

the first certification level students. The author of the article describes the audio materials necessary for the communicative competence formation. The content of the article is intended for practical use in everyday work at lessons of Russian as Foreign Language and can be adapted depending on students' age and nationality.

Ведущим принципом в методике РКИ является коммуникативная направленность обучения, которая предполагает формирование коммуникативной компетенции во всех ее составляющих. Коммуникация как процесс во многом зависит от сформированности аудитивных навыков, поскольку уровень их развития определяет степень понимания иноязычной речи и в конечном счете успешность коммуникации.

Для повышения эффективности учебного процесса необходимо как можно раньше начинать использовать для формирования навыков аудирования аутентичные звучащие тексты, постепенно наращивая их сложность. Работа с такими материалами позволяет развить навыки не только аудирования, но и чтения, говорения и даже письма.

Неадаптированные звучащие тексты следует предлагать обучающимся только после того, как у них сформирован слухопроизносительный навык – «способность правильно, в соответствии с нормами изучаемого языка, воспринимать услышанный звуковой образец и адекватно его воспроизводить» [1, с. 280]. Одной из важных задач преподавателя при работе с текстом является снятие лексических трудностей.

Важнейшими целями аудирования являются:

- понимание темы и главной мысли текста;
- понимание основного содержания, основных фактов текста;
- установление последовательности логической связи фактов, передаваемых в аудиосообщении;

- выявление в аудиотексте причинно-следственных отношений;

- умение прогнозировать содержание текста и догадываться о значении незнакомых единиц языка;

- понимание эмоционально выраженной оценки [2].

Для развития аудитивных навыков нами были разработаны задания, основой которых стали звучащие тексты о природе России. Работа с методическими материалами по теме «Сибирь. Горный Алтай» разделена на четыре этапа.

Первый этап – предтекстовая работа. Задания на этом этапе направлены на подготовку к восприятию аудиотекста: объяснение незнакомых слов и словосочетаний, устойчивых выражений, которые обучающиеся услышат в аудиотексте.

Задание 1. В тексте, который вы будете читать, вы встретите новые слова. Познакомьтесь с ними.

При выполнении данного задания использовался переводной метод семантизации. Выбор данного метода определяется тем, что он активно используется при обучении иностранным языкам в Китае, а потому привычен для студентов.

Второй этап – прослушивание текста. Количество прослушиваний зависит от уровня подготовки обучающихся и может варьироваться. Возможна также работа с аудиотекстом по фрагментам. Одним из заданий после прослушивания текста, может быть заполнение пропусков в печатном тексте словами, которые звучали ранее в видеофрагменте.

На третьем этапе обучающимся предлагаются задания, направленные на выяснение понимания его общего содержания.

Задание 1. Ответьте на вопросы и выполните задания.

Задание 2. Отметьте, правдивы (✓) ли высказывания ниже. Если нет, найдите в тексте правильную информацию.

Поскольку работа по развитию навыков аудирования ведется параллельно с формированием лингвистической компетенции, нам представляются продуктивными задания на нахождение грамматической основы предложений. Посредством таких упражнений формируется представление об информационном центре предложения.

На четвертом этапе обучающимся предлагается написать творческую письменную работу на тему, которая непосредственно связана с основной темой занятия. Подобного рода задания целесообразно выносить на самостоятельную работу, поскольку их выполнение требует времени на размышление и оформление.

Для развития письменной речи можно использовать подобные задания:

Задание 1. Посмотрите отрывок без звука и опишите то, что увидели.

Используйте слова: *лето, короткий, краски природы, прохлада, воздух, дождь, пахнуть, опавшие листья, пернатые, набираться сил, перелет, теплый край.*

Задание 2. Посмотрите на пейзажи. Выберите одну картинок и напишите текст из 5–7 предложений, чтобы привлечь туристов. Вы можете использовать слова из списка: *пейзаж, яркий, красочный, солнечный, гора, вода, река, озеро, ущелье, чистый, берег, природа, зима, лето и т.д.*

Таким образом, последовательная поэтапная работа со звучащим текстом позволяет эффективно развивать все виды речевой деятельности. Задания после прослушивания аудиотекста позволяют не только контролировать сформированность навыка восприятия информации на слух на уровне узнавания и понимания, но и развивать устную и письменную речь обучающихся. Кроме того, послетекстовые задания помогают активизировать все

имеющиеся у обучающихся языковые и общекультурные знания, развивать их творческие способности.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
2. Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 784 с.

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: ПОДХОДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

AUDIOVISUAL TRANSLATION: APPROACHES AND OPPORTUNITIES

А.С. Смолина

A.S. Smolina

Научный руководитель **В.И. Пихутина**
Scientific supervisor **V.I. Pikhutina**

***Ключевые слова:** аудиовизуальный перевод, мультимодальный перевод, тексты аудиовизуальной модальности, мультимодальные тексты, подходы к изучению аудиовизуального перевода, текстоцентрический подход, дидактический подход, лингвокультурный подход, виды, возможности.*

Аннотация. Мы живем в обществе, которое находится под сильным влиянием средств массовой информации, с появлением новых технологий появились новые виды перевода. Аудиовизуальный перевод представляет собой один из самых интересных и преуспевающих подразделов в исследовании перевода, поскольку перевод видеоматериала был всегда востребован, т.к. кинематография как часть СМИ является одной из самых распространенных и влиятельных форм искусства. В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «аудиовизуальный перевод», а также подходы, применяемые к данному виду перевода, вместе с этим описаны разновидности аудиовизуального перевода и возможности, которые дает данный вид перевода для теоретиков и практиков перевода, преподавателей языка и изучающих тот или иной язык.

Keywords: *audiovisual translation, multimodal translation, texts of audiovisual modality, multimodal texts, approaches to the study of audiovisual translation, text-centric approach, didactic approach, linguacultural approach, types, opportunities.*

Abstract. We live in a society that is strongly influenced by the media. New types of translation have appeared with the advent of new technologies. Audiovisual translation is one of the most interesting and successful subsections in the study of translation, due to the fact that the translation of video has always been in demand, because cinematography is one of the most common and influential forms of art. This article discusses various approaches to the “audiovisual translation” definition as well as approaches applied to this type of translation. At the same time, this article describes the types of audiovisual translation and the opportunities that this type of translation provides for theorists and practitioners of translation, for language teachers and people studying a language.

В настоящее время большое количество сил, времени и ресурсов тратится на изучение не только теоретической, но и практической составляющих языка. Мы проживаем в более визуализированной культуре, чем раньше, поскольку с развитием науки и техники способы человеческого общения довольно сильно поменялись. С развитием и массовой доступностью информационно-коммуникационных технологий, а также международных средств массовой информации (СМИ) происходит повышенный интерес к аудиовизуальному переводу, появляются новые подходы к изучению данного вида перевода и, следовательно, широкое распространение текстов аудиовизуальной модальности. Благодаря новизне аудиовизуальный перевод открывает огромный ряд возможностей как для теоретиков и практиков перевода, так и для преподавателей, и изучающих тот или иной язык.

В статье определено, понятие «аудиовизуальный перевод», описаны подходы, применяемые к данному виду перевода, а также его разновидности и возможности, которые дает этот вид перевода.

Несмотря на то что направление лингвистических исследований, касающееся аудиовизуального перевода, уже давно развивается в Европе и США, для России оно все еще остается достаточно новой отраслью. В отечественной лингвистике интерес к проблемам данного вида перевода пришелся на середину 2000-х годов, когда стало понятно, что изучение перевода текстов аудиовизуальной модальности требует использования методологического аппарата, отличного от того, что применяется при изучении устного или письменного перевода. За последние 20 лет аудиовизуальный перевод признали официальной формой перевода, а также академической областью исследований. В основном это связано с переводом мультимодальной и мультимедийной речи (монологов, диалогов, комментариев и т.д.) на другой язык.

Аудиовизуальный (от лат. audio – слышу и visualis – зрительный, видимый) – основанный на одновременном восприятии слухом и зрением. Под аудиовизуальным переводом (АВТ) принято понимать перевод многомодальных и мультимедийных текстов на другой язык и их перенос в другую культуру. Основными смыслообразующими модальностями аудиовизуальных текстов являются язык, изображение, музыка, цвет и перспектива [3]. Наличие нескольких семиотических уровней в данных текстах делает АВТ одним из самых трудных видов перевода.

Невербальные ресурсы, такие как образ, цвет и т.д., со временем все больше используются не только для иллюстрации, но и для общения и интерпретации. Со временем люди все чаще имеют дело с текстами, содержащими визуальные образы, новые повествовательные структуры, сложные элементы конструкций и т.д. [6]. Такие тексты принято называть мультимодальными. Многие современные книги и статьи также сопровождаются визуальными образами.

Мультимодальность широко обсуждается лингвистами и семиотиками. Тео ван Левен считает, что это термин означает «сочетание различных семиотических моделей, например, язык и музыка, в коммуникативном артефакте или событии» [10]. Г. Кресс говорит о том, что мультимодальность часто рассматривается как «добавление еще чего-то, чему стоит уделить внимание» [7]. Г.Е. Крейдлин понимает мультимодальность как описание общих законов и правил взаимодействия в коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков [4].

Из этого следует, что под мультимодальным текстом понимается текст, в котором коммуникативная ситуация представлена с применением нескольких модальностей восприятия, то есть с использованием зрения и слуха.

В качестве примера мультимодальных текстов можно привести любое видео с субтитрами, с которыми люди сталкиваются практически ежедневно. Коммуникативная ситуация в них представлена с использованием нескольких модальностей восприятия: зрения и слуха. Субтитры речи же являются ее репрезентацией, они с ней синхронизированы.

Аудиовизуальной модальностью можно назвать восприятие информации через ее аудиальную и визуальную репрезентацию, например при помощи субтитров/аннотаций в каком-либо видеоматериале.

Существует несколько подходов к изучению аудиовизуального перевода. Так, в рамках текстоцентрического подхода АУП рассматривается с позиции лингвистики. В данном подходе текст аудиовизуальной модальности (кинодиалог) представляет собой совокупность таких составляющих, как: говорящий, смысл, канал передачи и рецептор оригинала. Соответственно, пройдя через переводчика, текст трансформируется соответственно вышеуказанным составляющим и специфике лингвокультуры рецепторов языка перевода [1].

Исследователи дидактического подхода, в том числе А.В. Козуляев, основатель школы аудиовизуального перевода, рассматривают АУП как вид переводческой деятельности, требующий разработки отдельных методов исследования и обучения.

Р.А. Матасов в рамках лингвокультурного подхода к изучению аудиовизуального перевода отводит особое внимание истории развития кинематографа и киноперевода, а также экстралингвистической обусловленности этого вида перевода. Исследователь утверждает, что предметом перевода считается лингвистическая система кинотекста, находящаяся в неразрывной смысловой связи с компонентами нелингвистической системы, входящей в его состав [5].

Особенность данного вида перевода заключается в том, что только 30 % мощностей нашего мозга в момент просмотра аудиовизуального произведения, как отмечают исследования, занято обработкой вербализованной информации. Остальные 70 % – различными экстралингвистическими и невербальными информационными потоками. Ни один другой вид перевода, кроме аудиовизуального, не зависит настолько от внеязыковых факторов.

Самыми популярными видами АВП являются субтитрирование, дублирование и перевод для закадрового озвучивания, однако существуют и другие разновидности.

Так, А.В. Козуляев подразделяет аудиовизуальный перевод на перевод для закадрового озвучивания (VoiceOver), перевод для двухмерного субтитрирования, перевод для трехмерного субтитрирования, перевод для дублирования сериальных детских художественных и анимационных произведений и игр и перевод под полный дубляж (lip-sync) [2].

Дж. Манди, в свою очередь, предлагает классифицировать аудиовизуальный перевод следующим образом:

– субтитры на другом языке;

- субтитры сразу на двух языках;
- субтитры на том же языке (для слабослышащих);
- дубляж;
- наложение голоса;
- супертитры, или надтитрование (используются в театральных представлениях);
- голосовое описание происходящего на сцене (для слабовидящих) [9].

С. Миллиан и Ф. Бартрина выделяют следующие семь типов аудиовизуального перевода:

- перевод сценария;
- межъязыковые субтитры – переход от устного диалога на одном или нескольких языках к одной или двум письменным строкам;
- дублирование или адаптация текста под символы в прямом эфире;
- свободное истолкование – это одна из древнейших форм адаптации. Этот вид перефразирует с дополнениями, упущениями, разъяснениями и комментариями для новой аудитории;
- перевод может быть последовательным (обычно предварительно записанным), синхронным (голос становится тише) или с использованием языка жестов;
- закадровое озвучивание;
- надтитрование, или супертитры (разновидность субтитров, размещаемых над театральной или оперной сценой или на спинках сидений, которые отображаются непрерывно на протяжении всего представления) [8].

Данный вид перевода открывает огромный ряд возможностей не только для переводчиков, преподавателей, но и для людей, изучающих язык или интересующихся тем или иным мультимодальным текстом.

Мы живем в обществе, которое находится под сильным влиянием средств массовой информации (СМИ), с появле-

нием новых технологий появились новые формы межкультурного общения, которые привели к новым видам перевода. Перевод видеоматериала был всегда востребован, поскольку кинематография как часть СМИ является одной из самых распространенных и влиятельных форм искусства. Аудиовизуальный перевод, он же перевод фильмов, телевизионный перевод и т.д., представляет собой один из самых интересных и преуспевающих подразделов в исследовании перевода. Интерес к аудиовизуальным способам передачи, таким как дублирование, субтитрирование и закадровое озвучивание, расширился, включив в себя тифлоперевод (адаптация аудиовизуальных произведений для людей с нарушением зрения), аудиосубтитры, субтитры для глухих и слабослышащих и перевод языка жестов в СМИ.

Для преподавателей АУП представляет особую ценность, т.к. благодаря данному виду перевода появилась новая технология преподавания языка. В настоящее время наблюдается рост не только художественных, но и публицистических, и научно-популярных текстов аудиовизуальной модальности. Благодаря тому что информация предоставлена в формате видео, тексты аудиовизуальной модальности, в отличие от других текстов, воспринимаются намного проще и сильнее привлекают внимание и интерес людей, изучающих язык.

Для людей, изучающих иностранный язык, тексты аудиовизуальной модальности представляют весьма интересный источник информации. Просмотр видеоматериалов в процессе обучения способствует расширению кругозора, лингвострановедческих знаний, а также помогает не только прочувствовать языковую (лингвистическую) сторону языка, но и познакомиться с экстралингвистической стороной изучаемого языка, которая включает бытовые и культурные реалии народа определенной страны и носителей языка. Вместе с этим сами реципиенты

одновременно являются зрителями, слушателями и читателями. Они обрабатывают информацию сразу на нескольких уровнях декодирования.

Аудиовизуальный перевод является огромным достижением для переводоведения, открывает много возможностей для лингвистических и методических исследований.

Библиографический список

1. Горшкова В.Е. Перевод в кино: дублирование vs. субтитры (на материале фильма Люка Бессона «Ангел-а», Франция, 2005 г.) // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. 135 с.
2. Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности. Обучение данному виду перевода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russiantranslators.ru/about/editorial/audiovisualnyeperevod/> (дата обращения: 07.10.2019).
3. Костров К.Е. Аудиовизуальный перевод: проблемы качества // Вестник ВолГУ. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2015. № 13. 143 с.
4. Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. 101 с.
5. Матасов Р.А. Перевод кино/видеоматериалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 68 с.
6. Kress G. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication // Language in Society. 2004. № 1. P. 115–118.
7. Kress G. What Is Mode? // A Handbook of Multimodal Analysis. N.Y.: Routledge, 2009. 80 p.
8. Millan C., Bartrina F. The Routledge Handbook of Translation Studies. London: Routledge, 2013. P. 50–52.
9. Munday J. Introducing Translation Studies: Theories and Applications, 2nd ed. Routledge, 2008. P. 184–185.
10. Van Leeuwen T. Introducing social semiotics. London: Routledge, 2005. 28 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

THE ASPECT OF EUPHEMISMS FUNCTIONING IN THE RUSSIAN PRINT MEDIA TEXTS

А.А. Курделяс

A.A. Kurdelyas

Научный руководитель А.Д. Васильев
Scientific advisor A.D. Vasiliev

Ключевые слова: эвфемизмы, СМИ, политическая лингвистика, интенция, политкорректность, интерпретация, манипуляция.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования эвфемизмов и анализируются наиболее вероятные интенции их использования в текстах российских печатных СМИ. Установлены основные факторы, способствующие применению эвфемизмов в текстах современных печатных российских СМИ. Указаны наиболее употребительные способы эвфемизации. Сформулированы основные движущие типы требований к использованию эвфемизмов в современных печатных русскоязычных СМИ.

Keywords: euphemisms, mass media, political linguistics, media linguistics, intentions, political correctness, interpretation, manipulations.

Abstract. The article examines the features of the functioning of euphemisms and analyzes the most likely intentions of their use in the texts of the Russian printed media. The main factors contributing to the use of euphemisms in the texts of modern Russian printed media are identified. The main driving types of requirements for the use of euphemisms in modern printed Russian-language media are formulated.

Современная лингвистика постоянно нуждается в привлечении новых материалов для исследования, поскольку динамичные изменения социокультурного фона влияют на речекоммуникативную ситуацию. Поэтому активное функционирование политкорректной лексики за последние десятилетия повлекло за собой частотное использование эвфемизмов. «Эвфемизмы – слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [4]. Основные сферы применения эвфемизмов – политическая, общественная, экономическая деятельность. Следует заметить, что для статей, посвященных политическим темам, эвфемия оказывается довольно распространенным и эффективным средством реализации феномена политкорректности. Она представляет собой формальное средство, используемое с целью избежать конфликтов в поликультурном обществе путем установления специальных норм речевого этикета, табуирования ряда слов и выражений. При исследовании эвфемизации речи важно понимать, что семантические параметры лексической замены зависимы от интенционального горизонта. Следует отметить, что задача интерпретации эвфемизмов имеет свои особенности, поскольку адресант не предупреждает аудиторию о том, что он «эвфемизирует».

С целью исследования особенностей эвфемизации речи как лексического явления был проведен лингвистический анализ текстов русскоязычных текстов печатных СМИ. Материалом исследования послужили информационно-аналитические статьи, опубликованные в современных русскоязычных газетах, таких как «Независимая газета», «Ведомости», «Коммерсантъ» и др., где публикуется информация, посвященная актуальным проблемам

общественной, политической и культурной жизни в России. В статье «Ученые провели эксперимент по лечению коронавируса радиацией» был представлен следующий фрагмент: «Сомнения также выразил заместитель заведующего лабораторией анализа показателей здоровья населения и цифровизации здравоохранения МФТИ Станислав Отставнов. По его мнению, нужно оценить **сопутствующий ущерб** от такого лечения» [3]. Словосочетание «сопутствующий ущерб» – это эвфемизм, характеризующий жертвы среди гражданского населения. Предпочитая не говорить прямо о смерти невинных людей, СМИ использует данное словосочетание, успешно избегая этой запретной темы и прикрывая самые серьезные политические преступления. Таким образом, в данном случае задействована прикрывающая функция, использованная во избежание огласки серьезных последствий, которые привели к значительному количеству жертв после проведения определенных медицинских экспериментов.

В статье «Боязнь дронов: чему Идлиб научил Россию и Сирию» от 6 марта 2020 года содержится эвфемизм в представленном отрывке: «Стоит отметить, что на первом этапе наступательная операция вооруженных сил Сирии развивалась успешно. Этому в немалой степени способствовала непосредственная **авиационная поддержка** со стороны смешанного авиационного полка российских Воздушно-космических сил, дислоцированного на авиабазе Хмеймим, и частей ВВС САР» [2]. Данный эвфемизм относится к наименованию военных стратегических действий на территории Сирии и используется вместо слов **бомбежка, обстрел**. «Авиационная поддержка – официальный военный термин, использующийся для описания воздушного обстрела» (пер. с англ.) [5]. Антифразис использован по принципу развертыва-

ния, где отглагольное существительное заменяется терминологическим словосочетанием, описывающим специальную военную лексику. Эвфемизм преуменьшает реальную действительность военного положения в Сирии и используется с целью вуалирования существа дела по причине боязни создания психологического напряжения, которое может распространиться на аудиторию. Поэтому употребление военного термина помогает избежать описанных последствий.

Исследования эвфемизмов в современной лингвистике раскрывают их манипулятивные особенности [1]. Приведенные примеры лингвистического анализа показали, что использование эвфемизмов обусловлено требованиями к соблюдению принципа психологической уместности, при котором главной особенностью является применение «транквилизирующего» эффекта, способствующего исключению негативной реакции со стороны аудитории. Наиболее частой интенцией эвфемизмов в рассматриваемых заголовках является маскировка обозначаемой реалии. Популярность этого способа объясняется тем, что он позволяет коммуникатору размыть границы фактов за счет вуалирования истинного значения слова.

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013. 660 с.
2. Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 06.05.2021).
3. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 06.05.2021).
4. Шмелев Д.Н. Эвфемизм. Русский язык. М.: Изд-во Энциклопедия, 1979. 879 с.
5. Rawson H.A. Dictionary of Euphemisms and other doubletalk: New York, 2002. 312 p.

СТИЛИСТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫЕ ТИПЫ СУФФИКСАЛЬНЫХ СУБСТАНТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

STYLISTIC DERIVATION TYPES OF SUFFIXAL SUBSTANTIVES IN RUSSIAN LANGUAGE

О.М. Фоляк

O.M. Folyak

Научный руководитель Т.В. Викторина
Scientific adviser T.V. Viktorina

Ключевые слова: суффиксальные субстантивы, стилистическая маркированность, дериват, способы словообразования, тематические группы.

Аннотация. Статья посвящена описанию существительных, образованных суффиксальным способом. В работе представлены результаты исследования субстантивных дериватов с точки зрения стилистической маркированности, семантики и особенностей словообразования. На основе проведенного анализа делается вывод о наиболее частотных словообразовательных формантах.

Keywords: suffixal substantives, stylistic marking, derivative, methods of word formation, thematic groups.

Abstract. This article is devoted to the description of nouns formed by the suffix method. The paper presents the results of the study of substantive derivatives from the point of view of stylistic marking, semantics and peculiarities of word formation. Based on the analysis, a conclusion is made about the most frequent word-formation formants.

Изменения, происходящие в языке, особенно ярко проявляются в лексике и словообразовании. Словообразование способствует пополнению словарного состава новыми наименованиями, необходимыми обществу на каждом этапе развития языка. Поэтому изучение деривационных процессов является актуальным для современной лингвистики. Материалом для исследования послужил «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» Г.Н. Скляревской, печатные центральные

и региональные СМИ, вышедшие в 2017–2021 годах, а также слова, отобранные из социальных сетей «ВКонтакте» и «Tik-tok» путем сплошной выборки.

Новые слова – это возникающие в речи и зафиксированные в определенной своей части в языке фрагменты национально-культурной памяти. Они отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным периодом в жизни людей, их культурной и социальной принадлежностью. Они составляют содержание национального самосознания, являются знаковыми элементами национального менталитета. Новые слова отражают определенную модель видения мира, которая создана отдельной языковой личностью [2, с. 47].

В нашем исследовании мы рассмотрели наиболее продуктивные модели субстантивных дериватов. Описали материал в зависимости от частотности единиц в исследовательской картотеке и расположили результаты в порядке убывания. Исследование показало, что наибольшее количество слов образовано от имен существительных (54 %). Среди них наиболее частотными являются субстантивные дериваты со значением отвлеченного процессуального признака, образованные с помощью суффиксов *-изаци(j)*, *-аци(j)*, путем добавления суффикса к существительному 2-го склонения. Например, *инвалид – инвалидизация*, *компьютер – компьютеризация*, *бартер – бартеризация* и др. Данная группа составляет 7 % от общей исследовательской картотеки.

Среди субстантивных дериватов, мотивированных глаголами, наиболее частотными являются:

1. Существительные, имеющие значение предмета, характеризующегося действием, названным мотивирующим словом. Морф *-ни(j)* выступает после гласных при сохранении конечной гласной основы инфинитива. Например, *акционировать – акционирование*, *депортировать – депортирование*, *обнулить – обнуление* и др. (10 %).

2. Существительные с суффиксом, представленным морфем -к(а), характеризующиеся действием, названным мотивирующим словом. Мотивирующие – преимущественно глаголы I и V классов с основой инфинитива на -аи глаголы III класса. Например, *блокировать* – *блокировка*, *кодировать* – *кодировка*, *вписать* – *вписка* и др. (3 %).

Также мы исследовали семантические особенности суффиксальных дериватов и выделили 19 тематических групп, в которые объединяются анализируемые слова (экономика, финансовое дело; политика, социальное устройство, идеология; техника, автоматизация и др.). Определили, что наибольшее количество слов входит в экономическую (23 %) и политическую (14 %) тематические группы. Рассмотрев стилистическую маркированность анализируемых слов мы выявили, что 30 % от исследовательской картотеки являются стилистически маркированными, например *мерчик* (собственная марка одежды), *коронавт* (человек, болеющий коронавирусом), что указывает на эмотивный характер лексики.

Рассмотрев языковые единицы, представленные в исследовательской картотеке, мы пришли к выводу, что язык в первую очередь отражает современную картину мира и проецирует все изменения в общественной и политической жизни, так как в настоящее время именно в этих областях наблюдаются наибольшие изменения. Таким образом, словообразование имеет лавинный характер, связанный с общественными изменениями, вызывающими лексический взрыв. Для современного языка характерен динамизм, слова отражают современную картину мира.

Библиографический список

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 90–141.
2. Шмелева Е.Я. Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 46–50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АХМЯТЗЯНОВА Виктория Юрьевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: axvictoriya@yandex.ru

БЕРСЕНЁВА Кристина Вадимовна, магистрант 2 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: crist.berseneva@yandex.ru

ВАСИЛЬЦОВ Дмитрий Григорьевич, студент 1 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: vasiltsov705last@mail.ru

ВЕРШИНИНА Полина Андреевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: Versininapolina968@gmail.com

ГАМЗИНА Анастасия Валерьевна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: gamzina_anastasia@mail.ru

ГОРИЧ Виолетта Сергеевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: violetta2107goric@gmail.com

ГОРДЕЕВА Елена Николаевна, аспирант кафедры общего языкознания филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: 104ssm@gmail.com

ГРАЧЕВ Артем Александрович, студент 1 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: artem.grachev.90@list.ru

ГРАЧЕВА Софья Николаевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: sophie.grach@gmail.com

ГУЗОВА Виктория Владимировна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: guzova.vika@yandex.ru

ЗАХАРОВА Ирина Александровна, аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: animewka3@mail.ru

ИНГУЛ Виктор Васильевич, аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: takmak@mail.ru

КАРДАВА Юлия Александровна, студентка 1 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: kardava_julia@mail.ru

КОЛЕСНИКОВА Юлия Сергеевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: akermanlevi@mail.ru

КОМАРОВА Елизавета Андреевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: lisa-komarowa2001@yandex.ru

КУРДЕЛЯС Анастасия Андреевна, аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: shagratka@icloud.com

Ли Шиюй, студент 4 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: 704563928@qq.com

МИРОНОВА Яна Александровна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: yanamironova@bk.ru

МИТРОШЕНКО Татьяна Александровна, студентка 1 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: tmitrosenko@gmail.com

МОНШ Ангелина Сергеевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: monsh.gelya@mail.ru

НЕМКОВА Анастасия Васильевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: anastanemkova@yandex.ru

НОСКОВА Анастасия Андреевна, магистрант 1 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: nskvnst@gmail.com

ОКУНЕВА Мария Александровна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: dobermaan777@gmail.com

ПОКУСИНА Любовь Андреевна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: Pokusina2000@mail.ru

ПРОКОФЬЕВА Елена Александровна, магистрант 2 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: len.prockofjeva2012@yandex.ru

САВИНА Дарья Валерьевна, магистрант 2 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: daryasavi1896@mail.ru

СКАКУНОВА Светлана Максимовна, магистрант 2 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: skakunova.lana@inbox.ru

СМОЛИНА Анастасия Сергеевна, магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nastya.smolina.2804@mail.ru

Сунь Юньхуа, студент 4 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: 307703996@qq.com

ТУРПАНОВА Екатерина Александровна, студентка 3 курса филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: kateriinal@yandex.ru

УСТЬЯНЦЕВА Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

УФИМЦЕВ Александр Евгеньевич, аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ufimtzev@inbox.ru

ФОЛЯК Ольга Михайловна, студентка 2 курса института филологии и межкультурной коммуникации, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: olga_folyak@mail.ru

ШУЛЬГИНА Кристина Витальевна, аспирант кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: watermark2@yandex.ru

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

БЕБРИШ Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nadejdanick2@mail.ru

БУРМАКИНА Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasilova@kspsu.ru

ВАСИЛЬЕВА Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasilova@kspsu.ru

ВИКТОРИНА Татьяна Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент института филологии и межкультурной коммуникации, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан); e-mail: t.viktorina@mail.ru

ЗАМЫСЛОВА Вера Николаевна, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zamyslova@inbox.ru

ЛЕБЕДЕВА Наталья Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: natapedagog@mail.ru

ОСЕТРОВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: jsetrova@yandex.ru

ПИХУТИНА Валентина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vip-niva@rambler.ru

РЕВЕНКО Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: inna.revenko@mail.ru

СИЛЬВЕСТРОВА Анастасия Борисовна, старший преподаватель кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: a-lia-nor@mail.ru

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *Ж.В. Козуница*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 07.07.21. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 9,0. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 01-РИО-001

Отпечатано в типографии «Литера-принт»,
т. 295-03-40